

Понять природу человека

Автор:

[Альфред Адлер](#)

Понять природу человека

Альфред Адлер

Философия – Neoclassic

Альфред Адлер (7 февраля 1870 – 28 мая 1937) – австрийский врач-психиатр, основатель школы индивидуальной психологии, рассматривающей человека как индивидуальное целое. Его теория, наряду с психоанализом З. Фрейда и аналитической психологией К.Г. Юнга, стала одной из основ современной психотерапии.

Работа знакомит читателя с основами психологии личности и демонстрирует психологические принципы выстраивания повседневных отношений и организации внутренней жизни. По словам автора, «цель этой книги – во-первых, показать, как неверно выбранная линия поведения одного человека вносит дисгармонию в нашу общественную жизнь; во-вторых, научить отдельных людей распознавать и признавать свои ошибки и, наконец, показать им, как гармонично адаптироваться к социальной среде».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Альфред Адлер

Понять природу человека

Alfred Adler

MENSCHENKENNTNIS

© Перевод. Е. Цыпин, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие

Эта книга является попыткой познакомить широкую публику с основами психологии личности. В то же время в ней демонстрируется практическое применение психологических принципов не только для выстраивания наших повседневных отношений с окружающим миром и другими людьми, но и для организации нашей внутренней жизни. В основу этой книги положен годичный цикл лекций, прочитанных перед аудиторией, состоящей из сотен мужчин и женщин всех возрастов и профессий в Народном институте Вены. Цель этой книги – во-первых, показать, как неверно выбранная линия поведения одного человека вносит дисгармонию в нашу общественную жизнь; во-вторых, научить отдельных людей распознавать и признавать свои ошибки и, наконец, показать им, как гармонично адаптироваться к социальной среде. Ошибки в науке и бизнесе дорого обходятся и достойны сожаления, однако ошибки в выборе жизненного пути могут поставить под угрозу саму жизнь. Таким образом, задача этой книги – осветить путь человечества к лучшему пониманию природы человека.

Введение

Судьба человека заключена в его душе.

Геродот

К науке о природе человека не следует подходить с излишней самонадеянностью и гордыней. Напротив, тех, кто ею занимается, отличает известная скромность. Понимание природы человека – это задача исполинского масштаба, ее решение было целью нашей культуры с незапамятных времен. Эта наука не из тех, которыми следует заниматься лишь ограниченному числу специалистов. Ее истинной целью должно быть познание природы человека каждым человеческим существом. Однако этот тезис болезненно воспринимается некоторыми учеными, полагающими, что их исследования должны быть исключительным достоянием узкого круга экспертов.

Из-за обособленного образа жизни, который мы ведем, мало кто из нас хорошо знаком с природой человека. В прошлом люди не имели возможности жить так разобщенно, как мы сейчас. С самого раннего детства наши связи с человечеством весьма скудны. Семья изолирует нас от остального общества. Весь образ нашей жизни препятствует близким контактам с другими людьми, а контакты необходимы для развития науки и искусства понимать природу человека. Из недостаточности контактов с другими людьми рождается отчуждение от них. Наше поведение в отношении окружающих зачастую ошибочно, а наши суждения о них нередко ложны. Мы часто повторяем известный трюизм: люди проходят мимо друг друга, а говоря друг с другом, говорят в пустоту. Они обращаются друг с другом как с чужаками – причем не только в обществе в целом, но и в очень узком кругу собственной семьи. Большинство родителей время от времени жалуются, что не могут понять своих детей, и в то же время большинство детей заявляют, что родители их не понимают. Все наше отношение к другому человеку зависит от того, насколько мы его понимаем, и значит, такое понимание является основой любых отношений в обществе. Взаимоотношения между людьми стали бы более гармоничными, если бы человек лучше знал свою природу. В таком случае наши социальные взаимоотношения улучшились бы, так как всем известно: большую часть трудностей и разногласий между людьми порождает недостаток взаимопонимания, а неумение как следует понять друг друга может привести к тому, что мы неправильно интерпретируем внешние проявления отношений окружающих нас людей или обманываемся на их счет.

Теперь нам предстоит объяснить, почему мы пытаемся подойти к проблеме природы человека с точки зрения медицинской науки, имея целью заложить основы точного научного знания в этой обширной и посему не поддающейся точному исследованию области. Также мы рассмотрим предпосылки к созданию подобной науки о природе человека и определим, какие проблемы она должна

разрешить и каких результатов от нее можно ожидать.

Прежде всего следует заметить, что психиатрия – это область деятельности, требующая огромных познаний человеческой природы. Психиатр должен как можно быстрее и точнее проникнуть в душу больного. В этой области медицины практикующий врач может ставить диагноз, назначать и проводить лечение только тогда, когда он с уверенностью понимает, что происходит во внутреннем мире пациента. Скользить по поверхности нельзя. Ошибки в диагностике быстро становятся очевидными, в то время как правильное понимание природы душевного расстройства ведет к его успешному излечению. Другими словами, наше знание природы человека проходит здесь суровую проверку. В повседневной жизни наши ошибки в суждениях о других людях не обязательно влекут за собой драматические последствия, так как эти последствия могут дать о себе знать через такое длительное время после совершения ошибки, что причинно-следственная связь между ними не очевидна. Часто мы бываем потрясены, когда ужасные несчастья постигают нас много лет спустя после того, как мы неправильно оценили другого человека. Эти печальные события доказывают нам, что каждый обязан овладеть действенными познаниями о природе человека.

Наши исследования нервных заболеваний показали, что психические расстройства, комплексы и мании, присущие нервным заболеваниям, фундаментально ничем не отличаются по структуре от поведения нормальных лиц. Здесь можно с легкостью распознать те же элементы, те же предпосылки, те же закономерности развития. Единственное различие заключается в том, что у психического больного они более ярко выражены и их легче установить. Выявив эту закономерность, мы можем извлекать уроки из психических аномалий и быть начеку, когда подобные им симптомы проявляются у психически здоровых людей. Для этого необходимо только вооружиться профессиональной выучкой, вдохновением и терпением, необходимыми в любой профессии.

Первое великое открытие заключалось в следующем: основы человеческой психики закладываются в самом раннем детстве. В этом тезисе как таковом нет ничего исключительного: на протяжении веков великие мыслители не раз делали подобные наблюдения. Новизна состояла в том, что нам удалось установить между опытом, впечатлениями и социальными установками детских лет, насколько мы смогли их определить, и позднейшими психическими явлениями неразрывную и непровержимую связь. Это, в свою очередь,

означало, что теперь мы могли сравнить опыт и социальные установки раннего детства человека с его же опытом и социальными установками зрелого возраста. Таким образом, мы сделали важное открытие: психические явления ни в коем случае не следует анализировать по отдельности, более того – их даже нельзя понять, если не рассматривать как части единого целого.

Итак, мы узнали, что отдельные психические симптомы можно оценить только в том случае, если исследовано и понято их место в общем образе поведения данного человека, во всем его внутреннем микрокосме, в его «стиле жизни». Сделав это, мы оказались в состоянии увидеть, что тайные цели его детства находятся в точном соответствии с его социальными установками в зрелом возрасте. Короче говоря, нам стало до потрясения ясно, что с точки зрения психологического развития практически никаких изменений не произошло. Действия и слова, которыми выражались эти цели, могли меняться, но фундаментальные цели и мотивации, направленные на решение тех же психологических задач, остались неизменными.

Например, взрослый пациент с тревожным складом личности, ум которого постоянно пребывает в сомнениях и подозрениях, а все усилия направлены на самоизоляцию от общества, обнаруживает аналогичные склонности и психологические действия на третьем и четвертом году жизни. Единственное различие заключается в том, что у маленького ребенка, который еще не научился скрывать свои истинные чувства, такие черты характера легче обнаружить и истолковать. Поэтому мы взяли себе за правило сосредоточивать наши изыскания в основном на детстве наших пациентов. Таким образом нам зачастую удавалось догадаться о чертах характера взрослого человека, с детством которого мы ознакомились, раньше, чем нам о них рассказывали. Склонности, которые мы наблюдаем у взрослого, являются фактически непосредственной проекцией пережитого им в детстве.

Ознакомившись с самыми яркими воспоминаниями детства пациента и зная, как правильно истолковать эти воспоминания, мы можем точно воссоздать нынешнюю структуру его характера. При этом мы имеем в виду тот факт, что отойти от усвоенных в ранний период жизни моделей поведения для человека крайне трудно. Очень мало кому из людей удавалось изменить усвоенные в детстве модели поведения, хотя во взрослой жизни эти люди оказывались в совершенно иных ситуациях. Даже изменение социальной установки во взрослой жизни не обязательно ведет к смене модели поведения. Душа не меняет своей основы; в детстве и зрелости личность сохраняет те же склонности, из чего

можно заключить, что ее жизненная цель также неизменна.

Есть еще одна причина сосредоточиться на опыте детства, если мы хотим изменить модель поведения взрослого человека. Если изменить что-либо в огромном запасе жизненного опыта и впечатлений взрослой личности, результат будет ничтожен; необходимо выявить фундаментальную модель поведения нашего пациента. Сделав это, мы можем уяснить себе суть его характера и правильно диагностировать его болезнь.

Изучение детской психологии стало стержнем нашей науки, и исследованию первых лет жизни был посвящен огромный объем научных изысканий. В этой области так много неисследованного, что есть хорошие шансы обнаружить новые важные факты, которые будут представлять огромную ценность для познания природы человека.

В то же время, трудясь на благо человечества, мы разрабатывали способы предотвратить развитие дурных черт характера. Само собой разумеется, что наши исследования привели нас в такую область, как образование, в которой психологи работали многие годы. Образование – заманчивый предмет для исследователей, так как здесь они могут применить все, что узнали в ходе изучения природы человека. Наш основной подход должен быть таким: как можно полнее отождествлять себя с каждым внешним проявлением души человека, проецировать себя на нее и разделять радости и печали других людей примерно таким же образом, каким хороший художник-портретист запечатлевает на холсте не только внешность, но и сущность изображаемого человека.

Большинство людей гордятся тем, что в совершенстве владеют умением понимать природу человека, и были бы оскорблены, если бы кто-нибудь поставил под сомнение их компетентность в этой области, предложив им проверить свои знания на практике. Однако те, кто всерьез желает понять природу человека, как правило, узнавали, чего на самом деле стоят другие, через сопереживание либо в ходе собственных жизненных кризисов, либо наблюдая за кризисами других и отождествляя себя с ними. Изучение природы человека можно считать искусством, в распоряжении которого имеется множество инструментов, – искусством, тесно связанным с другими искусствами и важным для них всех. Особое значение оно имеет для литературы и поэзии. Его основной целью должно быть расширение наших знаний о людях, то есть оно должно дать нам возможность стать более добрыми, цельными и чистыми

натурами.

Вместе с познаниями о природе человека возникает вопрос, как лучше применить эти познания. Проще всего возмутить человека и вызвать на себя его ожесточеннейшую критику, выложив ему напрямик голые факты, обнаруженные при исследовании его психики. Те, кто изучает природу человека, должны учиться ходить по этому минному полю с осторожностью. Лучший способ испортить свою репутацию – это по легкомыслию злоупотребить своими знаниями, например желая показать, насколько глубоко вы проникли в суть характера вашего соседа за столом. Даже сведущих в науке людей такое поведение оскорбит. Мы должны вновь повторить уже сказанное: знание природы человека обязывает нас к скромности. Мы не должны предавать результаты наших экспериментов огласке немедленно или поспешно. Поступить так было бы извинительно для маленького ребенка, которому не терпится блеснуть умом и продемонстрировать свои успехи, однако взрослому такое поведение не к лицу.

Нам хотелось бы посоветовать исследователям человеческой психики прежде всего протестировать самих себя. Им не следует навязывать результаты своих экспериментов, проведенных на благо человечества, не желающей того жертве. Так они только создадут дополнительные трудности для науки, которая еще делает первые шаги, и результат в конечном счете будет противоположен желаемому. Психологии в таком случае придется отвечать за ошибки, причиной которых был бездумный энтузиазм молодых ученых. Мы должны призвать на помощь свою мудрость и не забывать: не имея перед глазами полной картины, не следует делать каких-либо выводов относительно ее частей. Более того, такие выводы следует предавать гласности лишь тогда, когда мы уверены в их положительном эффекте. Мы можем принести немало вреда, высказав даже верное суждение о чем-либо характере неподходящим образом или в неподходящий момент.

Перед тем как продолжить, мы должны рассмотреть одно возражение, которое наверняка уже пришло на ум многим читателям. Утверждение о том, что стиль поведения индивидуума остается неизменным на протяжении всей его жизни, окажется для многих непонятным. Но ведь с течением времени, скажут они, индивидуум накапливает опыт, который с неизбежностью меняет его жизненные установки. Что ж, следует помнить: любой факт этого опыта можно истолковать по-разному, и невозможно найти двух людей, которые сделали бы одинаковые умозаключения из одного события. Именно поэтому мы не всегда извлекаем из

полученного опыта уроков. Становиться старше – не обязательно значит становиться мудрее! Действительно, мы обучаемся избегать одних трудностей и вырабатываем философское отношение к другим, но характер нашего поведения от этого, как правило, не меняется. В дальнейшем мы увидим, что человеческая личность использует весь свой жизненный опыт с одной целью. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этот опыт должен совпадать с ее стилем жизни, укладываться в мозаику ее жизненных установок. То, что мы на самом деле сами творим свой жизненный опыт, вошло уже в поговорку; каждый из нас определяет, что и как он испытает.

В повседневной жизни мы наблюдаем, как люди делают из пережитого любые выводы, какие им угодно. Вот, например, человек, который снова и снова повторяет одну и ту же ошибку. Если вы сумеете убедить его в том, что он ошибается, он может отреагировать на это по-разному. Он может сказать: «Вы правы – в следующий раз я это учту». Однако подобная реакция нетипична. Вероятнее, он заявит, что совершал свою ошибку столько раз, что отделаться от этой привычки уже невозможно. Он также может свалить вину за ошибку на своих родителей или образование. Он может начать жаловаться, что в детстве был оставлен без присмотра, что его тогда чересчур баловали – или что с ним жестоко обращались. Каковы бы ни были его отговорки, какие бы он ни предъявлял алиби, он желает лишь одного – снять с себя ответственность за дальнейшие события. Таким образом он оправдывает свое поведение и ставит себя вне критики. Сам он ни в чем не виноват. Если он не достиг поставленных целей, это вина кого-то другого.

Такие люди упускают из виду следующее: сами они не приложили почти никаких усилий, чтобы преодолеть свои недостатки или избежать повторения ошибок. Они предпочитают упорствовать в заблуждениях и с жаром обвиняют в своих недостатках неудовлетворительное воспитание. Они могут прибегать к одной и той же отговорке на протяжении всей жизни. Любой жизненный опыт может получить множество истолкований, и из него можно сделать весьма различные выводы. Поэтому следует понять, почему вместо того, чтобы изменить стиль поведения, человек извращает и искажает свой жизненный опыт в соответствии с этим стилем. Самое сложное для человеческого существа – познать и изменить себя.

Всякий, кто не овладел теорией и техникой познания природы человека, столкнется с большими трудностями, пытаясь перевоспитать людей с тем, чтобы сделать их лучше. Он обречен скользить по поверхности и заблуждаться, считая,

будто достиг чего-то значительного, поскольку внешние проявления личности изменились. Практика показывает, сколь мало изменяет личность такое «перевоспитание»: все изменения затрагивают только внешнюю сторону и бесполезны, так как основная мотивация поведения не была модифицирована.

Помочь человеку изменить себя – не простое дело. Оно требует некоторого оптимизма и терпения, а прежде всего – скромности, поскольку обратившийся за помощью человек сделал это отнюдь не для того, чтобы пощекотать чье-то самолюбие. Более того, процесс преобразования личности должен вестись так, чтобы он казался нужным самому объекту. Всем нам известно: от вкусного и питательного блюда, которое небрежно приготовлено и подано в непривлекательном виде, зачастую отказываются.

Наука о природе человека имеет еще один аспект, который мы можем назвать социальным. Не подлежит сомнению, что люди будут лучше ладить друг с другом и отношения между ними станут ближе, если они будут лучше понимать друг друга. Тогда для них станет невозможно разочаровываться и обманываться в ком-то. В этой возможности обмана заключена огромная опасность для общества. Эту опасность должны ясно осознавать наши коллеги, которым мы преподаем настоящий курс. Они должны внушить своим пациентам важность неизвестных и бессознательных сил. Чтобы помочь больным, им необходимо знать все отклонения, диссимилиации и иллюзии человеческого поведения. Вследствие этого мы и обязаны овладеть наукой о природе человека и сознательно применять ее на практике, ни на минуту не забывая о ее общественном значении.

Кто лучше всего приспособлен для того, чтобы собирать и использовать материал этой науки? Мы уже увидели, что ее практическое применение на чисто теоретической основе невозможно. Мало просто знать все правила и факты. Необходимо применять наши знания на практике и сопоставлять их с практическим опытом, если мы хотим яснее понимать эту науку и глубже проникать в ее суть. Это, собственно, и есть истинное назначение теоретической стороны науки о природе человека. Однако мы сможем извлечь из нее пользу лишь тогда, когда выйдем непосредственно в жизнь и применим выработанные нами теории на практике. Наше образование дает очень мало знаний о природе человека, причем многое из того, что мы усваиваем, ложно, поскольку образование пока еще не приспособлено к тому, чтобы давать нам действенные знания о человеческом разуме. Вне школы каждый ребенок предоставлен самому себе, он вынужден самостоятельно оценивать свой жизненный опыт и

заботиться о развитии своей личности. Традиции передачи истинных знаний о человеческой психике не существует. Таким образом, наука о природе человека находится сегодня на той ступени развития, на которой химия находилась во времена алхимии.

Наш опыт свидетельствует: для подобных исследований природы человека лучше всего подходят как раз те люди, чьи социальные связи не были искажены нашей запутанной системой образования. Это мужчины и женщины, которых в конечном счете можно отнести либо к оптимистам, либо к колеблющимся, потенциальным пессимистам, пока еще не поддавшимся окончательно своему пессимизму. Однако социального контакта с людьми недостаточно: нужен также опыт.

Итак, ввиду недостаточности нашего образования постичь природу человека под силу лишь некоторым категориям людей Среди них немало раскаявшихся грешников; либо тех, кому довелось барахтаться в опасном водовороте собственных мыслей и чувств и кто едва не утонул в своих многочисленных ошибках и заблуждениях, прежде чем выбраться на твердую почву; либо тех, кто стоял к подобному водовороту настолько близко, что ощутил, как он его затягивает. Разумеется, могут этому научиться и другие, особенно если они наделены даром отождествления себя с другим человеком, даром эмпатии, однако лучший способ понять человеческую душу – пережить все ее страсти самому. Следовательно раскаявшийся грешник в наши дни должен цениться не менее высоко, чем во времена основания великих религий Он стоит куда дороже тысячи праведников. В чем тут дело? Представьте себе человека, который сумел возвыситься над жизненными трудностями, выбрался из болота и научился достойно вести себя в неблагоприятной ситуации и извлекать из нее уроки. Он правильно понимает хорошие и дурные стороны жизни. Никто не может сравниться с ним в этом понимании, во всяком случае – не праведники, которые видели лишь хорошую сторону.

Когда мы встречаем человека, поведение которого лишило его способности вести счастливую жизнь, мы считаем, что наше знание человеческой природы обязывает нас помочь ему изменить свои ложные взгляды на жизнь. Мы должны дать ему новые взгляды, взгляды, лучше приспособленные к окружающему обществу, более пригодные для достижения счастья в жизни. Мы должны научить его по-новому мыслить, указать ему новый образ поведения, в котором интерес к общественным делам и общественный дух играют более важную роль. Мы не предполагаем выстроить для него идеальную эмоциональную жизнь.

Новая точка зрения сама по себе очень ценна для смятенных душ, ибо, усвоив ее, они могут понять, что заблуждались. По нашему мнению, строгие детерминисты, которые считают любое человеческое действие процессом, состоящим из причины и следствия, не так уж далеки от истины. Однако если способности к самопознанию и самокритике существуют и хорошо функционируют, причины могут меняться, а результаты опыта – приобретать совершенно иную ценность. Способность познавать себя растет вместе с нашей способностью понимать причины наших действий и динамику нашей души. Стоит понять это – и вы станете другим человеком и не сможете больше уйти от последствий своего знания.

Часть первая. Основы развития характера

Глава 1. Что такое психика?

Понятие сознания

Мы приписываем наличие сознания только движущимся живым организмам. Предварительным условием существования сознания является свобода передвижения, поскольку организмы, прочно укорененные на одном месте, не имеют в нем необходимости. Насколько противоестественно было бы предполагать существование мыслей и чувств у дуба; утверждать, что этот дуб может сознательно согласиться с тем, что его срубят, поскольку он никак не в силах этого избежать; заявлять, будто он может предчувствовать, что его срубят; приписывать ему разум и свободу воли, зная, что он все равно не сможет воспользоваться этими качествами. При таких условиях воля и разум дуба неизбежно останутся мертворожденными.

Между способностью двигаться и сознанием существует строгая причинно-следственная связь. Это и составляет разницу между растением и животным. Анализируя эволюцию психики, мы, следовательно, должны рассматривать все,

что связано с движением. Все вопросы, связанные с физическим движением, заставляют психику предвидеть, накапливать опыт и развивать память, лучше вооружаться для жизненной борьбы. Мы можем, таким образом, с самого начала установить, что развитие психики связано с движением и что эволюция и прогресс всех психологических явлений обусловлены подвижностью организма. Эта подвижность стимулирует, активизирует и требует все большей интенсификации умственной деятельности. Представьте себе человека, каждое движение которого кто-то планирует за него: его мысль будет бездействовать.

Функция психики

Если мы рассмотрим функцию психики с этой точки зрения, то поймем, что рассматриваем эволюцию наследственной способности, органа нападения и защиты, при помощи которого живой организм реагирует на окружающую его ситуацию. Психическая деятельность – это комплекс агрессивных и защитных механизмов, конечное назначение которых – гарантировать продолжение существования данного организма и дать ему возможность безопасного развития. Если мы согласимся с этим положением, на его основе можно сделать дальнейшие выводы, которые мы считаем необходимыми для получения точного представления о психике. Мы не можем представить себе психическую деятельность изолированной личности. Мы можем представить ее лишь относительно окружающей среды, получающей стимулы извне и реагирующей на них.

Вышеизложенное подсказывает немало соображений об особенностях людей, их физической природе, их положительных и отрицательных качествах. Эти понятия весьма относительны, ибо нет объективных критериев, по которым можно судить, является ли та или иная физическая характеристика благом или недостатком. Судить об этом можно только исходя из ситуации, в которой оказался данный индивидуум. Всем известно, что нога человека – это, в некотором смысле, дегенеративная рука. Для животного, которому необходимо лазать по деревьям, нога, подобная человеческой, была бы явной помехой, но человек ходит по ровной поверхности, и нога для него настолько удобна, что вряд ли кто-нибудь предпочел бы иметь для ходьбы «нормальную» руку, а не «дегенеративную» ногу. Не подлежит сомнению: то, что в нашей жизни, как и в жизни других людей, кажется недостатком, не следует считать корнем зла. Лишь исходя из контекста, можно решить, является ли это свойство

недостатком или достоинством.

Наша цель и целеустремленность

Первое открытие, которое мы совершаем, исследуя самих себя, – наше постоянное стремление к какой-нибудь цели. Следовательно, мы не можем себе представить человеческую душу как нечто единое и неизменное. Лучше всего ее удастся представить как набор движущихся частей, возникших из общего источника и стремящихся к достижению единой цели. Эта телеология, стремление к цели, является основой адаптации, и существование человеческой души немыслимо без цели, к достижению которой направлены все наши усилия.

Этой целью и определяется умственная жизнь личности. Ни один человек не способен мыслить, чувствовать, желать или мечтать без того, чтобы все эти действия определялись, продолжались, модифицировались и направлялись к какой-нибудь цели, которую всегда можно отыскать. Это обусловлено необходимостью для организма адаптироваться к окружающей среде и реагировать на нее. Физические и психологические явления человеческой жизни основаны на продемонстрированных нами фундаментальных принципах. Невозможно представить себе психологическое развитие вне зависимости от всегда находящейся перед нашими глазами цели, содержание которой, в свою очередь, определяется динамикой жизни. Сама цель может представляться нам либо изменяющейся, либо статичной. Исходя из этого, все явления нашего психологического существования можно считать приготовлением к какой-либо будущей ситуации. Душа, по-видимому, состоит главным образом из силы, стремящейся к цели; и психология личности рассматривает все проявления человеческого духа постольку, поскольку они направлены к такой цели.

Знание цели личности, вместе с некоторыми познаниями о мире, дает нам возможность понять значение способов самовыражения данной личности, направления, в котором развивается ее жизнь, и механизм их функционирования для достижения цели. Нам также необходимо знать, какие именно меры должна принять данная личность для достижения своей цели – точно так же, как мы можем предсказать траекторию падения камня, когда роняем его на землю, – хотя люди не следуют какому-то раз и навсегда установленному естественному закону, поскольку всегда находящиеся перед их мысленным взором цели все

время меняются. Однако если у каждого из нас имеется своя постоянная цель, весь склад нашей психики должен быть направлен к ее достижению, как если бы он и в самом деле повиновался какому-то закону. Закон, управляющий нашей психикой, действительно существует, и это не подлежит сомнению; однако это не естественный закон, подобный закону тяготения, а закон, выработанный людьми. Говорить о каких-то фактических доказательствах существования естественных законов в психологии – значит стать жертвой самообмана. Всякий, кто считает, что может дать пример необоримой и однозначно предопределяющей события власти обстоятельств, играет краплеными картами. В конце концов, если художник решает написать картину, мир объясняет это тем, что у него имеются социальные установки, необходимые для личности, поставившей себе такую цель. Он будет пользоваться обычными в этих случаях приемами и получит ожидаемые результаты, как если бы в этом проявлялся определенный закон природы. Однако есть ли у него какая-то необходимость написать эту картину? Поскольку известно, что художник обладает свободной волей, мы должны сделать вывод, что наносить краску на холст его заставляет желание достигнуть поставленной перед собой цели.

Между физическими движениями и движениями человеческой души существует различие. Все вопросы о свободе воли зависят от этого важного тезиса. В настоящее время принято считать, что воля человека не свободна. Действительно, воля человека становится несвободной, как только она связывает себя какой-то определенной целью. А поскольку эту цель зачастую определяют его связи в космическом, физическом и социальном плане, неудивительно, что столь часто представляется, будто жизнь нашей психики зависит от непреложных законов природы. Однако если, например, человек отрицает свои связи с обществом и восстает против них, или если он отказывается приспособиться к реалиям жизни, все эти на первый взгляд непреложные законы отменяются и появляется новый закон, определяемый новой целью. Таким же образом закон общественной жизни ни к чему не обязывает индивидуума, который запутался в жизни и пытается отрицать существование других людей. Следовательно, я должен повторить еще раз: любое движение нашей души может совершиться лишь тогда, когда мы выбрали соответствующую цель.

С другой стороны, наблюдая за деятельностью индивидуума, можно понять его цель. Это особенно важно, поскольку мало кто из людей точно знает, в чем заключается его цель. На практическом уровне именно этой процедуре мы должны следовать, если хотим приобрести какие-то знания о человечестве. Так как большинство действий многозначны, это не всегда просто. Однако мы

можем зафиксировать несколько примеров известного поведения того или иного человека, сравнить их и выстроить график. Таким образом, мы приходим к пониманию человека, соединив две точки, в которых выражалась определенная психологическая установка, кривой, выражающей разность времени. Этот метод применяется для получения ясного представления о жизни данной личности. Приведем пример, иллюстрирующий, как можно обнаружить у взрослого модель поведения, которая с поразительным постоянством воспроизводит закрепленные в детстве поведенческие установки.

Тридцатилетний мужчина чрезвычайно агрессивного характера, сумевший добиться успеха и признания несмотря на трудное детство, пришел к терапевту в состоянии глубокой депрессии с жалобами, что у него пропало желание работать и даже жить. Как он объяснил, вскоре он должен обручиться, но смотрит на будущее с крайним беспокойством. Его мучает ревность, и он готов уже расторгнуть помолвку. Факты, приводимые им в объяснение своей ревности, не очень убедительны, и поскольку молодая особа, о которой идет речь, ни в чем не виновата, необходимо выяснить причину его очевидного к ней недоверия. Он принадлежит к тем индивидуумам, которые сближаются с другим человеком, чувствуют к нему влечение, но сразу же начинают относиться агрессивно, чем разрушают тот самый контакт, который им хотелось установить.

Теперь построим график стиля жизни описанного выше человека, взяв одно событие его жизни и попытаюсь связать его с его нынешними установками. В соответствии с нашей обычной практикой мы просим его рассказать о первом воспоминании детства, хотя нам известно, что проверить достоверность этого воспоминания с объективной точки зрения не всегда возможно. Он вспоминает, что был на рынке с матерью и младшим братом. Рынок был забит толпой, и мать взяла его на руки, но потом решила, что ей следует нести на руках того ребенка, который поменьше, поставила его на землю и взяла младшего брата, а нашего пациента толкали в толпе, и он чувствовал себя совершенно растерянным. Тогда ему было четыре года от роду. В этом воспоминании можно заметить нечто уже услышанное нами в описании его нынешнего душевного расстройства: он не уверен, что ему оказывают предпочтение, и не в силах вынести мысли, что кто-то другой может занять его место. Стоило нам указать нашему пациенту на эту аналогию, как он, изумившись, тут же увидел ее и сам.

Психологическая цель, к достижению которой направлены все действия каждого человека, определяется влиянием и впечатлениями детства, обусловленными средой, в которой он растет. Представление об идеальном состоянии, то есть

цели, вероятно, формируется в первые месяцы жизни человека. Уже в это время определенные ощущения способны вызвать у ребенка чувство радости или печали. Так на поверхность всплывают первые черты будущей жизненной философии, выраженной самыми примитивными средствами. Основные факторы, оказывающие воздействие на психику, формируются в младенчестве. Далее на этом фундаменте воздвигается надстройка, которая под влиянием различных внешних факторов может модифицироваться и трансформироваться. Вскоре под воздействием множества факторов ребенок оказывается вынужден сформировать определенное отношение к жизни и решить, как именно он будет реагировать на те проблемы, которые ставит перед ним жизнь.

Исследователи, полагающие, что черты характера взрослого человека можно различить в младенчестве, не так уж далеки от истины. Именно поэтому многие считают характер наследственным явлением. Однако представление, согласно которому характер и склад личности наследуются нами от родителей, однозначно вредно. Помимо прочего, оно мешает педагогу в его работе и подрывает его уверенность в себе, а также позволяет ему уклоняться от ответственности, просто сваливая вину за неудачи своих учеников на их плохую наследственность. Нет смысла объяснять, что это противоречит самой цели педагогики.

Наша цивилизация играет немаловажную роль в развитии психологической целевой установки личности. Она определяет правила и границы, с которыми ребенок конфликтует, пока не отыщет способа исполнять свои желания, дающего как чувство безопасности, так и успешную адаптацию к жизни. Еще в детстве выясняется, какова степень безопасности, которая требуется ребенку с учетом реалий нашего общества. Под безопасностью мы имеем в виду не только защищенность от опасностей, но и ту степень безопасности, которая гарантирует продолжение нашего существования при оптимальных условиях. Ребенок обеспечивает ее себе, требуя большей безопасности, чем необходимо для удовлетворения его первоочередных нужд, большей, чем необходимо для спокойной жизни. Так в его психологическом развитии возникает новая склонность – склонность к доминированию и превосходству.

Подобно взрослому, ребенку хочется превзойти всех своих соперников. Он стремится к превосходству, которое гарантирует ему уверенность и адаптацию, тождественные с целью, которую он ранее поставил себе. Таким образом появляется некоторая психологическая тревожность, которая со временем становится сильнее. Теперь предположим, что окружающий мир начинает

требовать более сильной реакции. Если в этот критический момент ребенок не верит в свою способность преодолеть трудности, мы увидим, как он усердно ищет способа увильнуть и изобретает сложные отговорки, смысл которых – утолить снедающую его жажду славы.

При таких условиях основной целью часто становится уклонение от любых серьезных трудностей. Ребенок отступает перед трудностями или избегает их с тем, чтобы на время уйти от ответа на требования, которые ставит перед ним жизнь. Мы должны понять, что психологические реакции человека не являются чем-то неизменным и абсолютным: любая реакция всегда частичка и эффективна лишь в какой-то период времени, поэтому считать ее универсальным решением проблемы не следует. При анализе развития детской психики нам в особенности нельзя забывать, что мы имеем дело с исключительно временной кристаллизацией идеи цели. Мы не можем применять к детской психике те же критерии, которыми пользуемся при оценке психики взрослого человека. Имея дело с ребенком, мы должны заглядывать дальше и представлять себе то конечное состояние, в которое его в конце концов приведут его энергия и действия. Если мы сможем заглянуть ему в душу, то сумеем понять, каким образом все проявления его характера стремятся к идеалу, созданному им для себя в качестве воплощения желаемого пути к полной адаптации к жизни.

Если мы хотим понять, почему ребенок поступает так, а не иначе, мы должны взглянуть на вещи с его точки зрения. Основная социальная установка, связанная с его точкой зрения, может направить ребенка к цели различными путями. Прежде всего имеется оптимистическое отношение к жизни, когда ребенок уверен, что способен разрешить любые проблемы, возникающие у него на пути. В этих условиях он вырастет человеком, убежденным, что жизненные труды ему по плечу. В этом случае мы видим, что у ребенка развивается мужество, открытость, откровенность, ответственность, трудолюбие и тому подобное. Противоположность этому – развитие пессимизма. Представьте себе, какова может быть цель у ребенка, не уверенного, сможет ли он разрешить свои проблемы! Каким пугающим должен казаться мир такому ребенку! Здесь мы видим робость, погруженность в себя, недоверчивость и другие черты, с помощью которых слабый человек старается защитить себя. Его цель окажется вне его досягаемости и вдали от того переднего края, на котором идут главные сражения жизни.

Глава 2. Психическая деятельность в социальном аспекте

Чтобы узнать, каким образом кто-либо мыслит, нам необходимо исследовать его взаимоотношения с другими людьми. Межличностные отношения, с одной стороны, обуславливаются самой природой вселенной, а следовательно, они подвержены изменениям. С другой стороны, эти отношения определяются порождениями человеческого общества, например политическими традициями в данном обществе или стране. Мы не сможем уяснить себе работу человеческой психики, не поняв в то же время эти социальные взаимоотношения.

Абсолютная истина

Психика не может действовать самостоятельно. Перед ней постоянно возникают проблемы, и необходимость решать их, как правило, и определяет направление развития психики. Эти проблемы неразрывно связаны с логикой нашей общественной жизни; требования общества влияют на личность, но редко позволяют ей влиять на себя, да и то лишь до определенной степени. Однако существующие условия нашей общественной жизни нельзя пока что считать окончательно сложившимися. Они слишком сложны и слишком неустойчивы. Кроме того, мы слишком опутаны общественными взаимоотношениями, чтобы быть в состоянии пролить на проблему психики достаточно света для полного ее понимания.

Единственный выход из этой дилеммы, имеющийся у нас, – это принять логику нашей общественной жизни на земле как абсолютную истину в последней инстанции, которую следует постигать шаг за шагом, предварительно исправив все ошибки и промахи, возникшие из-за несовершенства нашей общественной организации и ограниченности наших способностей. При этом нам следует особо остановиться на материалистической концепции общества, данной Марксом и Энгельсом. Согласно их учению, логику мышления и поведения индивидуумов определяет экономический базис общества. Наша концепция «логики общественной жизни» или «абсолютной истины» отчасти основана наприятии существующих представлений. Тем не менее история и наше проникновение во внутренний мир личности (а именно психология личности) учат нас, что индивидууму иногда бывает удобно реагировать на требования социально-

экономической системы неправильным образом. Пытаясь увильнуть от системы, он может безнадежно запутаться в последствиях своих неправильных реакций. Наш путь к абсолютной истине поможет нам избежать бесчисленных ошибок.

Необходимость общественной жизни

Правила общественной жизни так же очевидны, как законы климата, которые вынуждают нас принимать те или иные меры: желание защититься от холода заставляет строить дома, и так далее. О неодолимой тяге человека к обществу и общественной жизни свидетельствуют институты, формы которых нам не обязательно понимать до конца, например – религия, где совместное богослужение связывает членов общины между собой. Хотя условия нашей жизни определяются в первую очередь непреложными законами вселенной, в дальнейшем эти условия устанавливаются общественной и общинной жизнью людей и законами и правилами, которые она создает. Нужды общества определяют все межчеловеческие отношения. Общественная жизнь предопределяет индивидуальную жизнь человека. В истории человечества нет цивилизации, основы которой не закладывались бы сообща; люди развивались не поодиночке, а общинами. Это очень легко объяснить. Весь животный мир демонстрирует нам непреложный закон: виды, особи которых не способны выстоять в борьбе за существование поодиночке, обретают дополнительную силу благодаря стадному образу жизни.

Дарвин уже давно привлек наше внимание к тому факту, что слабые животные никогда не живут в одиночку. Нам поневоле приходится отнести человека к таким слабым животным, поскольку человек также недостаточно силен для того, чтобы жить одному. Не имея орудий, он может оказать разрушительным природным стихиям лишь самое слабое сопротивление. Даже для того, чтобы попросту не исчезнуть с лица земли, ему требуются всевозможные искусственные инструменты. Представьте себе, что вы без каких-либо орудий, кроме голых рук, оказались в первобытном лесу! Ваше положение будет более рискованным, чем у любого иного живого существа. Люди – существа общественные, а не одиночные. Они не имеют ни скорости, ни силы, ни зубов хищника, ни зорких глаз или острого слуха, которые предупреждают об опасности других животных. Чтобы обеспечить свое существование, человечеству требуется целый набор различных инструментов. Как наш режим питания, так и наши физические характеристики и наш образ жизни требуют

использования таких инструментов.

Таким образом, нам следует осознать, что человек способен выжить только в особо благоприятных условиях. Эти благоприятные условия удалось создать благодаря жизни в обществе. Жизнь в обществе стала необходимостью, поскольку существование общества и разделение труда, посредством которого каждый индивидуум подчинял себя группе, обеспечивало дальнейшее существование биологического вида. Только разделение труда (иначе говоря – цивилизация) способно предоставить человечеству средства к выживанию. Только освоив разделение труда, люди сумели самоутвердиться. Вспомните, как тяжелы роды у человека и сколько заботы требуется приложить, чтобы ребенок не умер в младенчестве! Дети могли получить такой продолжительный уход и заботу только там, где существовало разделение труда. Вспомните об огромном количестве телесных болезней и расстройств, присущих человеку, особенно в младенчестве, – и вы получите некоторое представление о том, какой невероятной заботы требует сохранение жизни каждого человека, и сумеете понять, почему людям необходимо жить в обществе. Общество – лучший гарант нашего дальнейшего существования!

Уверенность и адаптация

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что по сравнению с другими формами жизни человек является организмом неполноценным. Это чувство неполноценности и ненадежности существования всегда присутствует в человеческом сознании. Это постоянный стимул к изобретению лучших способов адаптации к жизни на Земле. Этот стимул заставляет людей добиваться того, чтобы не оказаться в невыгодном положении по сравнению с остальным животным миром.

Инстинкт общественной жизни оказал человечеству великую услугу: он изоцирил наше самое замечательное орудие защиты от окружающих невзгод – человеческий разум. Именно интеллект позволил такому уязвимому существу, как человек, успешно адаптироваться к окружающей среде и уверенно в ней существовать. Первобытным людям было бы гораздо труднее стать способными побеждать своих естественных врагов, если бы они попытались обзавестись естественными орудиями защиты – например рогами, когтями или клыками.

Разум сумел немедленно прийти человеку на помощь и компенсировать его физические недостатки. Постоянное чувство собственной неадекватности стимулировало у людей способность предвидеть опасность и избегать ее, и благодаря ему разум сумел развиваться и стать тем, чем он является сейчас, – органом мышления, чувств и действий. Общество сыграло в этом процессе адаптации существенную роль, и с самого своего зарождения разум должен действовать в условиях общественной жизни. Все его способности развиваются, опираясь на один основополагающий принцип: логику общественной жизни.

Следующей ступенью развития умственных способностей человека нам, несомненно, следует считать присущие людям понятия логического мышления, которые от своего зарождения обладают всеобщей применимостью. Логично лишь то, что полезно всем. Членораздельная и логичная речь – это чудо, отличающее человеческие существа от всех остальных животных, – является жизненно необходимым инструментом общественной жизни. Феномен речи, форма которой ясно указывает на ее общественное происхождение, опять-таки нельзя оторвать от понятия общей полезности. Речь была бы совершенно ненужной индивидууму, живущему в одиночку; она может пригодиться лишь в условиях общества. Это продукт общественной жизни, связующее звено между личностями в обществе. Общественное происхождение речи подтверждается примером тех индивидуумов, которые выросли в условиях затрудненных или невозможных контактов с другими людьми. Некоторые из этих людей порвали все нити, связующие их с обществом, по своей воле; другие оказались жертвой обстоятельств. В любом случае они страдают дефектами речи или заиканием и неспособны выучить иностранные языки. Все указывает на то, что овладеть искусством речи и сохранить этот навык можно только в условиях развитых контактов с другими людьми.

Речь необычайно важна для развития человеческой души. Логическое мышление реально лишь при посредстве языка, который дает нам возможность создавать понятия и осознавать различия в значениях. Сами наши мысли и чувства становятся понятными лишь тогда, когда мы признаем, что подобное испытываем не мы одни; наше наслаждение прекрасным основывается на знании того, что признание, понимание и чувство красоты всеобщие. Отсюда следует, что такие идеи и понятия, как разум, интеллект, логика, этика и эстетика не являются личным делом каждого, а рождаются в процессе общественной жизни человечества. Все это связи между индивидуумами, назначение которых – сохранение цивилизации.

Социальное чувство

Теперь мы можем понять, что любые правила, имеющие целью обеспечить выживание человечества, как-то: кодексы законов, тотемы и табу, суеверия и образование, – должны определяться понятиями данного общества и соответствовать им. Мы уже упоминали этот тезис в связи с религией. Мы считаем адаптацию личности к обществу важнейшей психологической функцией как личности, так и общества. То, что мы называем справедливостью и праведностью и считаем самыми ценными чертами характера человека, – не что иное, как исполнение условий, вытекающих из социальных нужд человечества. Эти условия формируют характер и направляют действия личности. Ответственность, верность, откровенность, правдивость и тому подобное – это достоинства, которые возникают и поддерживаются лишь благодаря незыблемым принципам общественной жизни. О том, хорошо или плохо то или иное качество характера, мы можем судить, лишь глядя на него глазами общества. Хорошие поступки, например достижения в науке, политике или искусстве, становятся достойными внимания лишь тогда, когда доказана их ценность для всех. Критерии, по которым мы судим о той или иной личности, определяются ценностью этой личности для человечества в целом. Мы сравниваем личность индивидуума с идеальным образом личности, которая выполняет свои задачи и преодолевает лежащие перед ней трудности с пользой для общества в целом, личности, чье социальное чувство высокоразвито. Если воспользоваться словами одного из наших сотрудников, Карла Фуртмюллера, это такая личность, «которая ведет жизненную игру согласно законам общества».

В ходе наших исследований станет все более очевидно, что хорошо приспособленная к жизни в обществе личность не может сформироваться, если не прививать ей глубокого сознания единства с человечеством и не обучать искусству быть цельным человеком.

Глава 3. Ребенок и общество

Общество налагает на нас определенные обязанности, которые оказывают влияние на нормы и формы нашей жизни, а также на наше умственное развитие. Общество имеет органическую основу. Точкой, где индивидуум и общество смыкаются, можно считать тот факт, что человеческий род состоит из двух полов. В сообществе, созданном мужем и женой, люди удовлетворяют свое стремление к жизни, добиваются уверенности в себе и обеспечивают свое счастье. Если мы вспомним, как продолжительно взросление ребенка, это подтвердит нам, что человеческая жизнь не может развиваться вне общества, дающего ей защиту. Различные обязанности, связанные с жизнью, несут с собой необходимость разделения труда, которое не только не изолирует людей друг от друга, но и усиливает их связи между собой. Каждый должен помогать ближнему; каждый должен ощущать свою связь с товарищами. Так было положено начало межличностным отношениям. Теперь мы должны более подробно рассмотреть те отношения, в которые вступает ребенок после своего рождения.

Младенчество

Будучи зависим от помощи общества, каждый ребенок оказывается лицом к лицу с миром, который дает и берет, который требует адаптации к себе, но в то же время удовлетворяет его жизненные потребности. Удовлетворению инстинктов ребенка мешают препятствия, столкновение с которыми болезненно. В начальный период жизни он осознает, что есть другие люди, и они могут удовлетворить свои нужды более полно и лучше приспособлены к жизни. Можно сказать, что его психика рождается в тех ситуациях детства, которые требуют интеграции для того, чтобы обеспечить возможность нормальной жизни. Наша душа достигает этого, оценивая каждую из ситуаций и выходя из нее таким образом, чтобы как можно полнее удовлетворить наши инстинкты с наименьшим вероятным дискомфортом.

Таким образом, ребенок приучается преувеличивать размеры и силу, необходимые для того, чтобы открыть дверь или передвинуть тяжелый предмет, а также признает право других отдавать ему приказание и требовать послушания. У него возникает желание вырасти, стать таким же сильным, как другие, или даже еще сильнее. Доминировать над окружающими становится главной целью его жизни, поскольку старшие, хотя и обращаются с ним как с существом низшего порядка, обязаны о нем заботиться из-за самой его слабости.

У него имеются две возможности: либо подражать действиям и методам взрослых, которые он видит, наблюдая за ними, либо демонстрировать свою слабость, что те же самые взрослые воспринимают как требование их помощи, на которое нельзя ответить отказом. Мы постоянно видим у детей эту бифуркацию психологических склонностей.

Формирование типов характера начинается в раннем возрасте. В то время как одни дети развиваются по пути накопления сил и стараются добиться признания благодаря мужеству и уверенности в себе, другие как бы спекулируют на своих слабостях и стараются их всячески демонстрировать. Достаточно понаблюдать за поведением, выражением лица и манерой держаться тех или иных детей, чтобы понять, какой из двух групп они принадлежат. Каждый из типов характера имеет значение только в том случае, если мы поймем его взаимоотношения с окружающей средой, а окружающая ребенка среда обычно отражается в его поведении.

Основной основой развития ребенка является его стремление компенсировать свои слабости; из этого чувства неполноценности возникает тысяча талантов и способностей. Ситуации, в которые жизнь может поставить детей, имеют между собой огромные индивидуальные различия. В некоторых случаях мы видим, что окружающая среда несет в себе угрозу для ребенка, и у него возникает впечатление, будто весь мир является враждебной территорией. Это мрачное впечатление создается из-за несовершенства восприятия и мышления ребенка. Если его воспитание не противодействует этому заблуждению, личность ребенка может развиваться таким образом, что он будет всегда поступать так, будто мир – это враждебная территория. Его убеждение во враждебности мира будет расти с каждым затруднением, встреченным им на жизненном пути. Подобное часто случается с детьми, имеющими от рождения какой-нибудь физический недостаток. Такие дети относятся к окружающему миру совсем иначе, нежели те, кто приходит в мир без подобных недостатков. Эта так называемая органическая неполноценность может выражаться в затрудненности движений, пороках тех или иных органов или пониженной сопротивляемости инфекциям, приводящей к частым болезням.

Физические недостатки – не единственная причина трудностей, с которыми сталкивается ребенок при вступлении в мир. Любые неразумные требования, предъявляемые ребенку введенной в заблуждение семьей (или недопустимая форма, в которой предъявляются эти требования), сравнимы по воздействию с материальными препятствиями вокруг него. Ребенок, пытающийся

адаптироваться в мире, внезапно наталкивается на препятствия, особенно если он растет в семье, которая сама пала духом и где господствует пессимизм, очень легко передающийся ребенку.

Влияние препятствий

Если вспомнить, сколько препятствий встречается ребенку на каждом шагу, не стоит удивляться, что его реакция на них не всегда адекватна. Его мышление начало развиваться лишь недавно, и ребенок сталкивается с необходимостью подчиняться непреложным законам жизни в тот момент, когда его способности к адаптации еще не сформировались. Жизнь для него – один огромный эксперимент. За каждым примером его неправильной реакции на окружающую обстановку кроется целый ряд попыток отреагировать правильно и преуспеть в жизни. Особый интерес представляет реакция подростка на ту или иную ситуацию. Реакция, в которой находит выражение его модель поведения, дает возможность заглянуть в его психику. В то же время мы должны учитывать, что реакции любого индивидуума, как и общества в целом, нельзя оценивать по раз и навсегда заданному шаблону.

Результатом столкновения ребенка с препятствиями в ходе его психологического развития обычно является торможение или искажение его социального чувства. Эти препятствия можно разделить на две категории. Одни коренятся в пороках материальной среды обитания ребенка – это могут быть ненормальные экономические, социальные, расовые отношения или условия в семье; к другим относятся физические недостатки. Основа нашей культуры – здоровье и адекватность. Поэтому ребенок, имеющий серьезный физический недостаток, оказывается при решении жизненных проблем в невыгодном положении. К этой группе принадлежат дети, поздно начавшие ходить или передвигающиеся с трудом, а также те, кто медленно учатся говорить или долгое время остаются неуклюжими из-за того, что развитие функций их мозга замедлено по сравнению с нормой. Мы все знаем таких детей, которые постоянно на что-то натыкаются, которые неуклюжи и медлительны и живут под гнетом физических и моральных страданий. Разумеется, не исключено, что с течением времени ребенок сам преодолеет свою неполноценность и его психика при этом не пострадает. Подобное может произойти, если на почве трудностей у него не возникло неутихающего чувства безысходности, которое наложит отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Вдобавок к природным недостаткам,

ситуацию могут осложнить и проблемы экономического характера.

Законы человеческого общества – закрытая книга для детей, плохо подготовленных к тому, чтобы занять в нем свое место. На любой представившийся им шанс они смотрят с подозрением и недоверием, они склонны к самоизоляции и уклонению от своих обязанностей. Такие дети обостренно чувствуют враждебное отношение мира к себе и невольно преувеличивают эту враждебность. Их интерес к темным сторонам жизни гораздо сильнее, чем к светлым. В большинстве случаев они неправильно оценивают и те, и другие, а посему проводят жизнь в постоянной настороженности. Они требуют к себе повышенного внимания и, разумеется, ставят себя гораздо выше остальных. В тех обязанностях, которые жизнь неизбежно накладывает на людей, они видят не столько стимул, сколько препятствие. Вскоре между ними и их окружением разверзается пропасть, которую их враждебное отношение к другим людям постоянно расширяет. Кроме того, каждый шаг в жизни они делают с величайшей осторожностью, все более и более отчуждаясь от реальной жизни, и в результате лишь создают для себя добавочные трудности.

Аналогичные проблемы могут возникнуть, когда естественная нежность и ласка родителей по отношению к детям проявляются недостаточно. Подобное поведение всегда чревато серьезными последствиями для развития ребенка. Ребенок становится настолько черствым, что оказывается не способен распознать любовь и дать ей надлежащее применение, поскольку его инстинкт нежности так и не сумел развиться. Нелегко научить ребенка, выросшего в семье, где нет любви или не принято ее выражать внешне, выказывать нежность к кому бы то ни было. Его жизненной позицией станет эскапизм, бегство от любви и привязанности. То же самое может произойти, если неразумные родители, учителя или другие взрослые приучают детей считать, будто любовь и нежность якобы неприличны, смешны или немужественны. Например, многим детям внушают, что нежность – это слабость. Подобный эскапизм особенно выражен у тех детей, которые часто были мишенью для насмешек. Такие дети испытывают неподдельный страх перед внешним проявлением эмоций, так как боятся, что их желание показать свою любовь к другим смешно. Они борются с естественной нежностью, как если бы это было орудие порабощения или деградации личности.

Таким образом, барьеры на пути развития нашей способности любить могут быть поставлены еще в раннем детстве. В результате жестокого воспитания, когда

любое проявление нежности сдерживается и подавляется, ребенок уходит от окружающей действительности и понемногу теряет связи, которые имеют огромное значение для его психологического и духовного развития. Иногда среди окружающих его людей лишь один дает ему шанс сблизиться с собой; в таком случае ребенок начинает испытывать к этому другу глубокую привязанность. Вот почему встречаются личности, чей круг общения настолько узок, что ограничивается лишь одним человеком. На примере мальчика, который почувствовал себя отверженным, когда заметил, что его мать выказывает любовь только к его младшему брату, и отправился скитаться по жизни в поисках тепла и нежности, которыми был обделен в раннем детстве, можно видеть, с какими проблемами может столкнуться в жизни такой человек. Не стоит и объяснять, что развитие подобных индивидуумов чрезвычайно затруднено.

Воспитание, которому присуща чрезмерная нежность, так же вредно, как и воспитание без всякой нежности. Избалованного ребенка преследуют не меньшие проблемы, чем нелюбимого. У избалованного ребенка развивается неумеренная и ненасытная жажда любви, а в результате он привязывается к кому-нибудь и не желает отвязаться. Основываясь на неправильно истолкованном личном опыте, ребенок настолько преувеличивает ценность любви, что делает вывод, будто бы его любовь налагает на окружающих взрослых определенные обязанности. Добиться этого нетрудно – ребенок говорит родителям: «Я вас люблю, а значит, вы должны сделать то-то и то-то». В семейном кругу подобные нормы поведения довольно распространены. Стоит ребенку распознать у других такую склонность, и он начинает усиленно демонстрировать свои чувства, чтобы поставить их в большую зависимость от своего расположения.

Нужно постоянно следить, не начал ли ребенок относиться к одному из членов семьи с подобной чрезмерной привязанностью и нежностью. Не подлежит сомнению, что такое воспитание вредно повлияет на будущее ребенка. Теперь он посвятит всю жизнь борьбе за то, чтобы любыми средствами завоевать расположение окружающих. Чтобы добиться этого, он не побрезгует никакими средствами, имеющимися в его распоряжении. Он станет пытаться подчинить себе соперника – брата или сестру – или начнет ябедничать на них. Такой ребенок может даже подговаривать своих братьев на дурные поступки с тем, чтобы одному купаться в любви и нежности своих родителей. Чтобы привлечь к себе внимание взрослых, он подвергает их давлению социальных факторов. Он может облениться или начать плохо себя вести с единственной целью – вынудить родителей посвящать себе больше времени. Он также может стать

образцовым ребенком, чтобы получить в награду за это внимание других.

Таким образом, мы можем сделать вывод: если структура психики установилась, средством для достижения цели может служить все, что угодно. Чтобы достигнуть своей цели, ребенок может развиваться в антиобщественном направлении, но для достижения той же цели он может стать благовоспитаннейшим и во всех отношениях превосходным ребенком. В любой группе детей, как правило, имеется один, который добивается внимания к себе дерзким поведением, в то время как другой, более сообразительный, достигает той же цели демонстративным послушанием.

Среди избалованных детей можно выделить группу тех, с пути которых убиралась любые препятствия. Потенциал и способности этих детей ослаблены мягкостью воспитания: им ни разу не предоставляли возможность взять на себя ответственность за что-либо и тем самым лишили какой бы то ни было возможности подготовиться к взрослой жизни. Никто не учил их выстраивать отношения даже с теми, кто хочет познакомиться с ними поближе, не говоря уже о тех, кто из-за трудностей и ошибок своего детства избегает контактов с людьми. Такие дети совершенно не подготовлены к жизни, так как им ни разу не выпал шанс попрактиковаться в преодолении трудностей. Стоит им покинуть тепличную атмосферу своего дома, где они – маленькие короли, и их неизбежно ждут тяжкие поражения и горькие разочарования, причина которых одна: они не могут найти никого, кто дал бы им ту чрезмерную заботу, внимание и защиту, которые они приучены принимать как должное.

Все проблемы подобного рода имеют одну общую черту: они в большей или меньшей степени ведут к изоляции ребенка. Так, например, у детей, страдающих расстройствами пищеварения, формируется особое отношение к питанию, и в результате их развитие происходит совершенно иначе, чем у детей с нормальным пищеварением. Дети с дефектами различных органов также ведут специфический образ жизни, который в конечном счете может привести их к изоляции. Есть и другие дети, которые не могут ясно осознать свое место в окружающей действительности и даже пытаются уйти от нее. Они не могут найти себе друзей, не участвуют в играх своих товарищей – либо от зависти, либо из презрения к этим играм – и замыкаются в своем мире.

Изоляция также угрожает детям, выросшим под гнетом чрезмерно строгого воспитания. Для них окружающий мир – место неприветливое, так как они приучены ожидать от него только плохого. Они либо решают, что должны молча

переносить все страдания, либо ведут себя подобно крестоносцам и вступают в борьбу с действительностью, которая всегда была к ним столь враждебной. Такие дети считают, что жизнь и налагаемые ею обязанности чрезмерно трудны, и, как легко понять, они будут заняты главным образом защитой своего маленького мирка, изо всех сил стремясь не допустить какого-либо вторжения в него. Под давлением преувеличенной осторожности у них развивается склонность обходить любую серьезную проблему стороной, чтобы избежать риска возможного поражения.

Другая общая черта всех подобных детей, свидетельствующая об их недостаточно развитом социальном чувстве, – это то, что они думают о себе больше, чем о других. Эта особенность как нельзя лучше отражает то пессимистическое видение окружающего мира, к которому они были приведены всем ходом своего развития. Для них невозможно реализовать себя и жить счастливо, если только они не смогут найти способ изменить свой неправильный образ поведения.

Индивидуум как общественное существо

В главе 2 мы объяснили, что склад личности индивидуума можно познать лишь тогда, когда мы увидели индивидуума в его социальном окружении и оценили его положение в окружающем мире. Под положением мы понимаем его место в порядке вещей и его отношение к окружающей действительности и жизненным проблемам – например к задачам, которые ставит перед ним работа, дружеские отношения и повседневное общение с другими людьми. Таким образом мы уже сумели сделать вывод, что впечатления, обрушивающиеся на любого человека с самого раннего детства, оказывают влияние на его социальные установки в течение всей жизни. Мы даже способны оценить отношение ребенка к жизни, когда ему всего лишь несколько месяцев от роду. Спутать между собой поведение двух младенцев этого возраста невозможно, потому что они уже демонстрируют ярко выраженные поведенческие установки, которые по мере их взросления станут лишь яснее. Отклонений от этой схемы просто не существует.

Все мысли ребенка во все возрастающей степени проникнуты его социальными взаимоотношениями. Первое свидетельство наличия этого врожденного социального чувства проявляется в том, что ребенок начинает искать любви, что

приводит его к стремлению быть рядом со взрослыми. Любовь ребенка всегда направлена на других, а не на собственное тело, как утверждает Фрейд. В зависимости от его индивидуальных особенностей эти эротические устремления могут иметь различную интенсивность и способ выражения. У детей старше двух лет эти различия видны в речи. Лишь серьезнейшее психическое расстройство, связанное с дегенерацией личности, может заставить ребенка потерять социальное чувство, которое к этому времени уже глубоко укоренилось в нем. Это социальное чувство сохраняется в течение всей жизни – оно меняется, приобретает иную окраску, иногда сужается и ограничивается, иногда расширяется и усиливается настолько, что затрагивает не только близких членов его семьи, но и дальних родственников, его страну или народ и, наконец, все человечество. Оно может перешагнуть и эти границы и распространиться на животных, растения, неодушевленные предметы и в конечном счете – на всю вселенную. Наши исследования показывают необходимость рассматривать личность как общественное существо. Осознав это, мы получили важное подспорье для того, чтобы понять поведение человека.

Глава 4. Мир, в котором мы живем

Наш внутренний космос

Поскольку каждый человек должен приспособливаться к окружающей его действительности, его психика способна воспринимать из внешнего мира огромное количество впечатлений. Кроме того, психика следует определенной цели, соответствующей интерпретации мира, которую она выработала, руководствуясь поведенческими установками, возникшими в раннем детстве. Хотя мы не можем дать точное определение этой интерпретации макрокосма и этой цели, мы тем не менее можем считать, что это некая неустранимая аура, которая всегда противостоит чувству личной неполноценности. Психологическое развитие происходит только тогда, когда у личности есть цель. Постановка цели, как нам известно, предполагает способность меняться и некоторую свободу передвижения. Духовное обогащение индивидуума, происходящее благодаря свободе передвижения, не следует недооценивать. Когда ребенок впервые встает на ноги без посторонней помощи, он вступает в совершенно

новый мир и зачастую ощущает враждебность этого мира. Делая первые попытки двигаться, особенно вставая на ноги и учась ходить, он испытывает различные трудности, которые могут либо укрепить, либо разрушить его надежду на лучшее будущее. Впечатления, которые взрослый счел бы маловажными или заурядными, могут оказать громадное влияние на психику ребенка и окончательно сформировать его взгляды на мир, в котором он живет.

Так, дети, у которых имеются трудности с движением, создают себе идеал, пронизанный силой и скоростью. Мы можем распознать этот идеал, спросив их, во что они больше любят играть или кем хотят стать, когда вырастут. Обычно такие дети отвечают, что хотят быть автогонщиками, машинистами и тому подобное – что ясно указывает на желание преодолеть трудности, ограничивающие их свободу передвижения. Цель их жизни – достичь такого состояния, когда чувство собственной неполноценности и ущербности заменится полной свободой передвижения. Ясно, что подобное ощущение собственной ущербности могло возникнуть в психике ребенка, который в прошлом медленно рос или часто болел. Аналогичным образом дети, пришедшие в этот мир с дефектами зрения, пытаются перевести весь окружающий мир в более яркие зрительные образы. Дети с дефектами слуха проявляют обостренный интерес к некоторым звукам, которые им кажутся приятными; короче говоря, они становятся «музыкальными».

Из всех орудий, с помощью которых ребенок пытается завоевать мир, органы чувств играют наиважнейшую роль в определении его основных взаимоотношений с миром, в котором он живет. Именно с помощью органов чувств он создает свою картину космоса. Прежде всего окружающую действительность воспринимают глаза, так как вниманием любого человека завладевает в первую очередь именно визуальный мир, и наш опыт главным образом складывается именно из зрительных впечатлений. Визуальная картина мира, в котором мы живем, имеет ту уникальную особенность, что она состоит из неизменных образов, и в этом ее коренное отличие от картин, рисуемых нам другими органами чувств – ухом, носом, языком и кожей, которые воспринимают лишь временные раздражители. Однако имеются индивидуумы, у которых ухо является доминирующим органом чувств. Их запас информации строится на основе акустических впечатлений. В этом случае можно говорить о психике, в строении которой доминирует слух.

Реже встречаются индивидуумы, у которых доминирует двигательная активность. Другой тип личности характеризуется обостренным интересом к

обонятельным или вкусовым раздражителям; первая из упомянутых групп – те, кто более чувствителен к запахам, – в нашей цивилизации находится в несколько невыгодном положении. Кроме того, есть немало детей, у которых главенствующую роль играет мускулатура. Для этой группы характерна высокая степень тревожности, в детстве заставляющая их постоянно двигаться, а в зрелом возрасте проявлять большую активность. Таких индивидуумов интересует только деятельность, в которой основную роль играют мускулы. Их активность проявляется даже во сне, в чем может убедиться каждый, кто увидит, как они, не зная покоя, мечутся в кроватях. К этой категории мы должны отнести «непоседливых» детей, чью подвижность зачастую считают отрицательной чертой.

В общем, мы можем сказать, что в мировосприятии практически любого ребенка главенствующую роль играет какой-либо один орган или группа органов, будь то органы чувств или мускулатура. Каждый ребенок составляет себе картину мира, в котором он живет, на основе впечатлений, полученных его наиболее чувствительным органом из окружающей действительности. Следовательно, понять какого-либо человека для нас оказывается возможным лишь тогда, когда мы знаем, какими органами чувств или группами органов он воспринимает мир в первую очередь, поскольку это накладывает свой отпечаток на все его взаимоотношения с окружающим миром. Мы сможем истолковать его действия и реакции только в том случае, если сначала поймем, какое влияние оказали в детстве органические дефекты на его отношение к миру – его картину вселенной, а следовательно, и на его дальнейшее развитие.

Как мы видим мир

Психологическая цель, определяющая всю нашу деятельность, также влияет на выбор, степень развития и деятельность тех конкретных психологических способностей, которые придают форму и смысл нашему восприятию окружающего мира. Это объясняет тот факт, что каждый из нас познает на собственном опыте лишь ограниченную часть действительности, или какого-либо события, или даже всего мира, в котором мы живем. Все мы игнорируем целое и ценим только то, что соответствует нашей цели. Таким образом, мы не сможем до конца понять поведение того или иного человека, не уяснив себе, какую тайную цель он преследует; также мы не сможем объективно оценить все

границы его поведения, пока не осознаем, что вся его деятельность подчинена этой цели.

Восприятие

Впечатления и раздражители, поступающие из внешнего мира, передаются органами чувств мозгу, где некоторые из них могут оставить свои отпечатки. На основе этих отпечатков возникают мир воображения и мир памяти. Однако восприятие личностью внешнего мира никогда не является фотографически точным, поскольку на него всегда накладывается неизгладимый след индивидуальных особенностей и качеств данной личности. Никто не воспринимает все, что видит. Два человека никогда не реагируют на одну и ту же картину одинаково. Если спросить у них, что они видели, они дадут совершенно разные ответы.

Ребенок воспринимает только те элементы окружающей действительности, которые соответствуют его поведенческой установке, сформировавшейся ранее под влиянием множества разнообразных факторов. У детей с особенно хорошо развитым зрением восприятие носит главным образом визуальный характер. Большая часть человечества, вероятно, имеет такой «перекос» восприятия в сторону зрения. Другие заполняют мозаичную картину мира, которую они создают для себя, главным образом слуховыми впечатлениями. Этим впечатлениям не обязательно точно соответствовать реальной действительности. Любой из нас способен переделать и перекроить свои контакты с окружающим миром таким образом, чтобы они соответствовали его жизненным установкам. Индивидуальность и неповторимость любого человека состоит в том, что он воспринимает и как он это воспринимает. Восприятие – нечто большее, чем просто физическое явление; это психологическая функция, на основании которой мы можем делать наиболее далеко идущие выводы, касающиеся внутреннего мира индивидуума.

Память

Как мы видели в главе 1, развитие психики неразрывно связано с подвижностью живого организма и ее деятельность определяется целью и задачами его движения. Индивидууму необходимо осознавать и систематизировать свои взаимоотношения с миром, в котором он живет, и его психика, будучи органом адаптации, должна развивать те способности, которые играют определенную роль в его защите или имеют другое значение для его самосохранения. Одной из таких способностей является память, функции которой определяются необходимостью адаптации. Без воспоминаний о прошлом было бы невозможно принимать меры предосторожности в будущем. Отсюда можно сделать вывод, что во всех наших воспоминаниях заложена неосознанная цель; они не являются случайными явлениями, а несут четкую информацию, либо поощрительную, либо предостерегающую. Случайных или бессмысленных воспоминаний не существует. Память избирательна. Мы можем оценить то или иное воспоминание только в том случае, когда можем уверенно сказать, какова его цель и назначение. Не нужно задаваться вопросом, почему мы одно помним, а другое забываем. Мы помним те события, воспоминания о которых важны для нас по конкретной психологической причине, поскольку эти воспоминания способствуют какому-то важному, хотя и скрытому от глаз импульсу. Аналогичным образом мы забываем о тех событиях, которые отвлекают нас от выполнения некоего плана. Таким образом, мы обнаруживаем, что память также подчинена процессу целенаправленной адаптации и что над каждым из воспоминаний доминирует объединяющая тема или цель, определяющая все развитие личности. Прочно закрепившееся воспоминание, даже искаженное (часто это бывает с детьми, чьи воспоминания нередко «перевернуты» или односторонни), может возникнуть в нашем подсознании и предстать в качестве социальной установки, эмоционального отношения или даже философской точки зрения, если это необходимо для достижения желаемой цели.

Воображение

Нигде неповторимость личности не проявляется в большей степени, как в результатах ее воображения. Под воображением мы понимаем возможность восприятия, не зависящую от наличия предмета, являющегося причиной этого восприятия. Другими словами, процесс воображения повторяет процесс восприятия и является еще одним примером творческих возможностей нашей психики. Результат воображения – это не только повторение имевшего место в прошлом восприятия (которое само по себе является результатом творческих

способностей души), но и совершенно новый и уникальный продукт, образовавшийся на его основе подобно тому, как первоначальное восприятие строилось на основе физических ощущений.

Некоторые фантазии далеко превосходят своей четкостью обычные воображаемые картины. Такие видения кажутся настолько яркими и реальными, что они перестают быть простыми фантазиями и даже влияют на поведение данного индивидуума подобно объективным раздражителям. Когда фантазии приобретают подобную степень реальности, мы называем их галлюцинациями.

Условия появления галлюцинаций ничем не отличаются от тех условий, что порождают грезы. Каждая галлюцинация является художественным созданием психики, замысленным и исполненным в соответствии с целями и задачами данного индивидуума, создавшего ее. Позвольте мне проиллюстрировать этот тезис примером.

Интеллигентная молодая женщина вышла замуж против воли родителей. Этот поступок так рассердил ее родителей, что они порвали с ней всякие отношения. С течением времени молодая женщина уверилась в том, что родители обошлись с ней дурно, однако все попытки примирения терпели неудачу из-за гордости и упрямства обеих сторон. В результате своего брака эта женщина, принадлежавшая к богатой аристократической семье, оказалась в довольно стесненных обстоятельствах. Однако несмотря на это никто не мог заметить каких-либо признаков разлада в ее семейной жизни. Всем могло бы показаться, что она очень хорошо приспособилась к новым обстоятельствам, если бы не появление в ее жизни весьма странного феномена.

В детстве эту девушку всегда баловал отец. Они были так близки друг другу, что их нынешний разрыв казался еще более удивительным. Однако после ее брака отец обращался с ней очень дурно, и пропасть между ними все углублялась. Даже когда у нее родился ребенок, родителей оказалось невозможно уговорить приехать к дочери в гости, чтобы посмотреть на своего внука. Молодая женщина была возмущена жестоким отношением родителей к себе, тем более что она была человеком очень амбициозным, а кроме того, ее задело за живое то, что они к ней так относились как раз в тот момент, когда ей следовало бы оказать уважение. Мы должны заметить, что все поведение этой молодой женщины определялось ее амбициозностью; именно эта черта характера дает нам возможность понять, почему разрыв с родителями произвел на нее такое сильное впечатление.

Ее мать была строгой и самодовольной женщиной, которая обладала многими хорошими качествами, но дочь держала в ежовых рукавицах. Она умела подчиняться мужу – по крайней мере внешне, – ничем не поступаясь; более того, она всячески выставляла напоказ это свое подчинение и считала, что оказывает тем самым своему супругу честь. Кроме дочери, у нее был еще сын, который, как считалось, пошел в отца и должен был унаследовать родовой титул. То, что родители ценили его гораздо больше сестры, лишь усилило амбициозность последней. Трудности и бедность, с которыми эта молодая женщина, воспитанная до некоторой степени в тепличной атмосфере, столкнулась в браке, теперь заставляли ее постоянно думать со все усиливающимся возмущением о том, как дурно с ней поступили родители.

Однажды ночью, прежде чем она заснула, ей показалось, что дверь открылась, к ее постели подошла Дева Мария и произнесла: «Я тебя очень люблю и поэтому должна тебе сказать, что ты умрешь в середине декабря. Я не хочу, чтобы ты оказалась неподготовленной к этому».

Молодую женщину это видение не испугало, однако она разбудила мужа и рассказала ему обо всем. На следующий день она пошла к врачу и рассказала ему о своей галлюцинации. Пациентка утверждала, что видела и слышала все совершенно отчетливо. На первый взгляд это кажется невозможным, однако если призвать на помощь наши познания в психологии, все становится на свои места. Ситуация такова: пациентка – очень амбициозная молодая женщина, которая, как показывает история болезни, имеет склонность подчинять себе всех вокруг, порывает с родителями и впадает в бедность. Вполне понятно, что человек в стремлении стать господином той физической сферы, в которой он живет, должен сделать попытку обратиться к Богу и общаться с ним. Если бы разговор с Девой Марией произошел всего лишь во время молитвы, никто бы не придавал этому особого значения. Однако нашей молодой женщине требовалось более действенное средство.

Это явление теряет всю свою таинственность, как только мы поймем, какие шутки способна с нами играть наша психика. Разве не каждому человеку в подобной ситуации снятся сны? Есть лишь одно отличие: эта молодая женщина может видеть сны наяву. Кроме того, мы должны добавить, что подавленное настроение, в котором она пребывала, держало ее в большом напряжении. Галлюцинируя, женщина, отвергнутая своей матерью, видит, как к ней снисходит другая мать – более того, та Мать, которая согласно общепринятым представлениям считается самой великой Матерью на свете. Эти две матери

должны в некотором смысле противостоять друг другу. Богоматерь явилась нашей пациентке потому, что к ней не пришла ее родная мать. Это видение – обвинение родной матери в недостаточной любви к своему ребенку.

Молодая женщина ищет какой-то способ доказать неправоту своих родителей. Середина декабря – время очень знаменательное. У многих народов в это время года люди стараются улучшить свои взаимоотношения, становятся добрее друг к другу, обмениваются подарками и тому подобное. Именно в это время примирение становится более вероятным, так что, как мы можем понять, этот период имеет особое значение для нашей пациентки в ее положении.

Единственной странностью в этой галлюцинации кажется то, что после дружеского приветствия Богоматерь сообщает молодой женщине печальную новость о ее смерти в ближайшее время. Важен и тот факт, что пациентка рассказала о своем видении мужу почти счастливым голосом. Весть об этом пророчестве быстро проникла за пределы узкого круга семьи пациентки и оказалась надежным средством заставить ее родную мать приехать к ней.

Несколько дней спустя Дева Мария снова явилась молодой женщине и произнесла те же самые слова. Когда пациентке был задан вопрос, как прошла ее встреча с матерью, та ответила, что мать отказалась признать свою неправоту. Таким образом, как мы видим, здесь снова возникает прежняя тема. Желание пациентки доминировать над своей матерью пока что не было удовлетворено.

В это время была предпринята попытка помочь родителям осознать, что же на самом деле происходит с их дочерью. В результате между пациенткой и ее отцом произошла очень милая встреча. То была трогательная сцена, однако пациентка по-прежнему осталась не удовлетворена, так как в поведении отца она усмотрела какую-то неискренность. Она пожаловалась, что он заставил ее слишком долго ждать. Даже одержав победу, она не могла избавиться от желания доказать, что все остальные были неправы, и вставала в позу торжествующей победительницы.

Описания галлюцинаций, встречающиеся в воспоминаниях путешественников и землепроходцев, общеизвестны. Понятно, что напряжение, возникающее, когда жизнь человека подвергается опасности, подстегивает воображение, давая человеку возможность уйти от гнетущих реалий его нынешнего положения. С другой стороны, галлюцинация может послужить и наркотиком, который

успокаивает его страхи.

Галлюцинации не являются для нас чем-то новым, поскольку мы уже встречались с аналогичными явлениями в механизме памяти и воображения. Такие же процессы мы наблюдаем при анализе сновидений. Когда наше воображение акцентировано, а способность к критике отключена, воспроизвести явление галлюцинации нетрудно. Будучи в нужде или опасности, а также под давлением ситуации, в которой наше могущество оказывается под угрозой, мы можем попытаться избавиться от чувства слабости и преодолеть его с помощью этого механизма. Чем сильнее стресс, тем меньше мы будем пользоваться нашими критическими способностями. В подобных условиях, когда лозунг момента – «Спасайся кто может!», любой человек в состоянии предельным напряжением умственной энергии заставить свое воображение спроецироваться в галлюцинацию.

Иллюзии находятся в тесной связи с галлюцинациями. Единственное различие между ними в том, что в иллюзиях контакт с окружающей действительностью до некоторой степени сохраняется, однако он неправильно интерпретирован; фоновая ситуация и чувство стресса одинаковы. Вот другая история болезни, которая демонстрирует, как творческие способности психики могут при необходимости порождать либо иллюзии, либо галлюцинации.

Человек из очень хорошей семьи, который не смог ничего добиться в жизни из-за недостаточного образования, занимал незначительную должность делопроизводителя. Он оставил всякую надежду когда-либо добиться успеха. Он тяжело переживал свое незавидное положение, к тому же стресс усиливали упреки друзей. В этих условиях он запил, что обеспечивало ему и забвение своих невзгод, и оправдание своих неудач. Через некоторое время его привезли в больницу в состоянии белой горячки. Горячечный бред очень похож на галлюцинации. В бреде, порожденном алкогольным токсикозом, больным зачастую чудятся мелкие животные – например мыши, а также насекомые или змеи. Могут появляться и другие видения, имеющие отношение к профессии пациента.

Наш пациент попал в руки врачей, которые крайне отрицательно относились к злоупотреблению алкоголем. Они подвергли его тщательному лечению, и он полностью избавился от алкоголизма. Выйдя из больницы, он не прикасался к алкоголю три года, но затем вернулся в больницу с новыми жалобами. Пациент сказал, что все время видит ухмыляющегося человека, который искоса

посматривает на то, как он работает; а трудился он теперь чернорабочим. Однажды, когда этот человек стал над ним смеяться, пациент вышел из себя, взял свою кирку и бросил в него, чтобы проверить, живой это человек или всего лишь видение. Видение увернулось от его метательного снаряда, но тут же набросилось на него и избило до полусмерти. В этом случае мы имеем дело не с простым видением, поскольку у галлюцинации оказались вполне реальные кулаки. Однако объяснение найти нетрудно: пациент привык галлюцинировать, но кирку он бросил в живого человека.

Хотя пациент освободился от желания пить, его общественное положение стало еще ниже, чем до лечения. Он потерял работу, его выселили из дома и теперь ему приходилось зарабатывать на жизнь поденным трудом, который он и его друзья считали чем-то недопустимо низким. Психический стресс, в котором он жил, не уменьшился. Освободившись от алкоголизма, этот человек на самом деле потерял важное утешение. Благодаря алкоголю он мог смириться со своей прежней работой, так как, если дома его слишком громко упрекали в том, что он неудачник, оправдываться своим пьянством ему было менее стыдно, нежели признать, что он не способен удержаться на работе лучшей, чем эта. После излечения он снова оказался лицом к лицу с реальностью, а его положение несколько не улучшилось. Если бы он и теперь потерпел неудачу, ему бы нечем было утешиться и некого винить, даже алкоголь.

В этой стрессовой ситуации галлюцинации появились вновь. Пациент отождествил себя со своим прежним положением и начал видеть мир так, как если бы он по-прежнему был пьяницей. Своим поведением он как бы заявлял миру: «Я загубил пьянством всю свою жизнь, и теперь уже с этим ничего не поделаешь». Благодаря болезни он надеялся избавиться от непрестижной, а значит, и очень неприятной для него работы землекопа, не принимая по этому поводу самостоятельно никаких решений. Описанная выше галлюцинация продолжалась долгое время, пока пациента наконец не положили снова в больницу. Теперь он мог утешаться мыслью, что сумел бы многого достигнуть, если бы алкоголизм не загубил всю его жизнь. Такая стратегия помогала ему сохранять чувство самоуважения. Не потерять уважения к себе было для него важнее, чем трудиться. Все его усилия были направлены на то, чтобы сохранить свое убеждение, будто он мог бы свершить великие дела, если бы его не постигло несчастье. Благодаря этому пациент полагал, будто он ничем не хуже других, однако у него на пути имеется непреодолимое препятствие. Отчаянные поиски утешительной отговорки породили галлюцинацию с ухмыляющимся человеком; это видение должно было спасти его уважение к себе.

Глава 5. Грани нереального

Фантазия

Фантазия является еще одной творческой способностью нашей психики. Следы ее деятельности можно обнаружить в различных явлениях, уже описанных нами. Подобно отчетливому проецированию нашим сознанием тех или иных воспоминаний или возведению причудливых строений нашим воображением, фантазия и мечты являются разновидностью творческой деятельности психики. Способность предвидеть и предрешать, необходимая любому организму, умеющему двигаться, также является важной составной частью фантазии. Фантазия связана с подвижностью человеческого организма и, по существу, есть не что иное, как один из методов предвидения.

Фантазии детей и взрослых, которые иногда называют мечтами, всегда связаны с будущим. Эти «воздушные замки» являются их целью, созданной воображением в качестве образца для реальной деятельности. Исследования детских фантазий ясно показывают, что стремление к власти над другими играет в них доминирующую роль. В своих мечтах дети выражают свои амбиции. Большая часть их фантазий начинается со слов «когда я вырасту» и так далее. Есть немало взрослых, которые тоже живут так, будто они еще не выросли. То, что стремлению к власти очевидно придается особое значение, еще раз демонстрирует – психика может развиваться лишь тогда, когда перед личностью поставлена некая цель; в нашей цивилизации эта цель подразумевает общественное признание и положение. Личность никогда не остается надолго с какой-нибудь нейтральной целью, так как жить среди людей – значит непрерывно оценивать себя, а это порождает желание главенствовать и надежду на успех в соревновании. В детских фантазиях почти всегда встречаются ситуации, в которых ребенок над кем-то властвует. Нам не следует обобщать, поскольку установить для фантазии или воображения какой-то предел невозможно. Сказанное нами во многих случаях верно, однако в других ситуациях может оказаться неприменимым. У детей с агрессивным подходом к жизни способность фантазировать развивается в большей степени потому, что их отношение к другим вынуждает их более надежно защищаться. А

у очень слабых детей, жизнь которых не всегда приятна, способность фантазировать крайне развита, и они особенно склонны замыкаться в своем вымышленном мире. На определенном этапе их развития способность фантазировать может стать способом ухода от реальной жизни. Фантазией можно злоупотребить, отвергнув ради нее действительность, и в таком случае она становится для индивидуума чем-то вроде ковра-самолета, на котором он воспаряет над убожеством этой жизни силой своего воображения.

Наряду со стремлением к власти, социальное чувство также играет важную роль в нашем мире фантазий. В детских фантазиях стремление к власти почти всегда включает в себя какое-то применение этой власти в социальных целях. Мы ясно видим подобную особенность в тех фантазиях, где мечтатель становится спасителем или рыцарем, торжествующим над силами зла и угнетения. Нередко также встречаются фантазии, в которых ребенок не принадлежит к своей семье. Многие дети верят, что на самом деле они родились в другой семье и когда-нибудь их настоящие родители, люди высокого положения, придут и заберут их к себе. Чаще всего такие фантазии наблюдаются у детей с глубоким чувством неполноценности. Они чувствуют себя обделенными любовью и расположением или оттесненными на задний план в кругу своей семьи и поэтому придумывают для себя новую семью. Идеи величия проявляются еще в одном отношении: весьма часто ребенок действует так, будто он уже вырос. Иногда эта фантазия приобретает едва ли не патологические черты – например у мальчиков, которые пытаются пользоваться отцовской пеной для бритья или пробуют курить его сигареты, или у девушек, которые решают, что им хочется стать мужчинами, а потому одеваются и ведут себя так, как больше пристало юношам.

Считается, что у некоторых детей нет воображения. Это безусловное заблуждение. Либо такие дети не могут выразить себя, либо есть какие-то причины, которые заставляют их отгонять свои фантазии. Подавляя воображение, ребенок может ощущать себя сильным. В своем отчаянном стремлении приспособиться к реалиям взрослого мира такие дети считают, что фантазии – это ребячество, и отказываются предаваться им; в некоторых случаях эта антипатия заходит настолько далеко, что кажется, будто ребенок абсолютно лишен воображения.

Сновидения: общие соображения

Кроме дневных грез, описанных выше, мы должны проанализировать ту важную и многозначную деятельность, которая происходит во время нашего сна, – «ночные» грезы. В принципе можно сказать, что сновидение – это повторение того же процесса, который имеет место в дневных грезах. Опытные психологи уже указывали на то, что характер человека можно легко распознать по его сновидениям. Фактически сновидения чрезвычайно занимали человечество с самого начала истории. В сновидении, как и в дневных грезах, мы имеем дело с попыткой предначертать, спланировать и направить будущую жизнь к конечной цели – безопасному существованию. Наиболее очевидное различие состоит в том, что дневные грезы сравнительно легко понять, в то время как постигнуть смысл сновидений удастся лишь изредка. Неудивительно, что сновидения трудно поддаются расшифровке, и из этого мы легко могли бы заключить, что, следовательно, сновидения суть нечто излишнее и не имеющее значения. Пока достаточно сказать, что у индивидуума, который старается преодолеть трудности и обеспечить свое положение в будущем, стремление к власти отражается в сновидениях. Сновидения дают нам важные ключи к проблемам эмоциональной жизни человека.

Эмпатия и отождествление

Психика имеет способность не только воспринимать то, что существует реально, но также предчувствовать или предугадывать то, что произойдет в будущем. Это важное добавление к функции предвидения, которая необходима любому организму, способному двигаться, поскольку такому организму постоянно приходится решать задачи адаптации к окружающей действительности. Эта способность также связана со способностью к отождествлению, или эмпатии, которая у людей чрезвычайно развита. Уровень ее развития настолько высок, что ее можно найти в любом уголке любой души, и необходимость предвидения является главным условием ее существования. Если мы должны предрешать и предсказывать, как нам следует поступить в той или иной возможной ситуации, то мы должны научиться принимать верное решение, соотнося наши мышление, чувства и восприятие. Нужно найти точку зрения, с которой мы сможем действовать в новой ситуации либо более энергично, чтобы разрешить ее, либо более осторожно, чтобы избежать.

Эмпатия происходит в тот момент, когда один человек говорит с другим. Невозможно понять другую личность, если одновременно не отождествлять себя

с ней. Театр – это наиболее открытое художественное выражение эмпатии, поскольку благодаря искусству драматурга мы с готовностью отождествляем себя с героями на сцене и мысленно играем самые разнообразные роли. Примерами эмпатии в повседневной жизни могут быть случаи, когда мы ощущаем странное беспокойство, видя другого человека в опасности. Эта эмпатия может быть настолько сильной, что мы делаем невольные движения, чтобы защитить себя, хотя нам лично ничто не угрожает; всем известно, как неосознанно реагируют люди, если кто-то среди них роняет бокал! В кегельбане можно наблюдать, как некоторые игроки, следя за катящимся шаром, делают невольные телодвижения, будто пытаются повлиять на него. Еще один общеизвестный пример – пассажиры автомобиля, которые нажимают на воображаемую тормозную педаль всякий раз, когда они ощущают себя в опасности. Мало кто способен наблюдать за работой человека, моющего окна высокого здания, не вздрагивая от страха, а когда оратор теряет нить мысли и не может продолжать речь, вся его аудитория ощущает неловкость и смущение. Вся наша жизнь в большой степени зависит от этой способности к отождествлению себя с другими. Если мы станем искать истоки этой способности действовать и чувствовать так, будто мы – не мы, а кто-то другой, то сможем найти их в способности сочувствовать другим, которая дана каждому человеку от рождения. Это чувство присуще всем, оно отражает единство вселенной, частью которой каждый из нас является; это неотъемлемая черта любого человеческого существа. Оно дает нам возможность отождествить себя с тем, что находится за пределами нашего непосредственного опыта.

Подобно тому, как имеются различные степени социального чувства или общественного духа, существуют также различные степени эмпатии. Это можно наблюдать уже в детстве. Одни дети играют с куклами так, будто это люди, между тем как другим интереснее посмотреть, из чего они сделаны. Развитие личности может совершенно прекратиться, если она начнет переносить общественные отношения между людьми на животных или неодушевленные предметы.

Случаи проявления жестокости к животным у детей возможны лишь при почти полном отсутствии социального чувства и способности сопереживать другим живым существам. Вследствие такого дефекта дети начинают интересоваться тем, что имеет очень малую ценность или значение для их превращения в членов общества. Эта неспособность поставить себя на место другого, сопереживать ему, может пойти настолько далеко, что человек иногда полностью отказывается от общения с себе подобными.

Влияние, внушение и гипноз

Психология личности отвечает на вопрос «Как для одного индивидуума оказывается возможным влиять на поведение другого?» следующим образом: восприимчивость к влиянию других – одно из важнейших проявлений нашей психики. Общественный образ жизни был бы невозможен, если бы один индивидуум не мог влиять на другого. В некоторых случаях эта особенность оказывается акцентированной – например во взаимоотношениях между учителем и учеником или родителем и ребенком. Благодаря врожденному социальному чувству люди подчиняются влиянию друг друга в той или иной степени по доброй воле. Степень этой добровольности зависит от того, насколько человек, оказывающий влияние, признает права человека, являющегося объектом этого влияния. Невозможно долгое время претендовать на уважение человека, которому мы причиняем зло. Наше влияние на другого наиболее эффективно тогда, когда тот человек чувствует, что его права защищены. Этот момент очень важен для педагогики. Может быть, и удастся представить себе и даже создать какую-нибудь другую педагогическую систему, однако система, принимающая во внимание этот момент, будет эффективной, поскольку она апеллирует к самому древнему инстинкту человека – его чувству единства с человечеством и вселенной.

Этот подход окажется бесполезным только в том случае, когда мы имеем дело с человеком, который по собственной воле вышел из-под влияния общества. Такой уход происходит не случайно. Ему должна предшествовать продолжительная битва, во время которой человек мало-помалу разрывает свои связи с миром, пока, наконец, он не переходит в открытую оппозицию обществу. После этого влиять на его поведение становится трудно или невозможно, и мы наблюдаем драматическое зрелище – человек встречает любую попытку повлиять на него ожесточенным сопротивлением.

Дети, которые чувствуют, что окружающая действительность подавляет их, скорее всего будут труднообучаемыми. Тем не менее бывают случаи, когда внешнее давление настолько велико, что оно сметает все препятствия, в результате чего авторитарное влияние сохраняется и ему повинуются. Однако легко показать, что подобное влияние не идет на пользу обществу. Иногда оно принимает такой гротескный вид, что приученный к повиновению индивидуум становится нежизнеспособным, так как его привычка к рабскому повиновению

лишает его возможности действовать и мыслить самостоятельно. Опасность развития этой склонности к подчинению можно наблюдать на примере послушных детей, которые и после того, как выросли, с готовностью подчиняются любым приказам, даже если для этого необходимо преступить закон.

Интересным примером того, как действует подчинение и подавление, являются шайки преступников. Те, кто выполняют приказания главаря, слепо подчиняются ему, в то время как он сам обычно держится от происходящего на почтительном расстоянии. Почти в каждом серьезном судебном процессе над преступной группой козлом отпущения оказывался какой-нибудь угодливый человек. Подобное беспредельное, слепое повиновение доходит до такой невероятной степени, что порой встречаются люди, которые даже гордятся своим раболепием и видят в нем способ самоутверждения.

Если мы ограничимся лишь случаями нормального взаимного влияния, мы обнаружим, что наиболее восприимчивы к влиянию те люди, которые лучше всего воспринимают голос разума и логики, те, чье социальное чувство меньше всего искажено. С другой стороны, те, кто жаждет главенствовать и желает подавлять, очень трудно поддаются влиянию. С примерами такой закономерности мы сталкиваемся ежедневно.

Редко можно встретить родителей, жалующихся на беспрекословное послушание своего ребенка. Наиболее распространены жалобы на непослушание. Если мы спросим таких детей, окажется, что они чувствуют себя в чем-то ущемленными и протестуют против этого, пытаясь преодолеть ограничения, которые накладывает на них окружающая действительность. С ними обращались дома так, что нормальное обучение сделалось для них невозможным.

Сила нашего стремления к власти над другими обратно пропорциональна степени нашей обучаемости. Несмотря на это, главной целью семейного воспитания в большинстве случаев является подстегивание честолюбия ребенка и внушение ему идеи собственного величия. Это происходит не по недомыслию, а оттого, что подобными грандиозными заблуждениями проникнута вся наша культура. В семье, как и в обществе в целом, наибольшее внимание обращают на самое большое, самое лучшее, самое знаменитое. В главе о тщеславии нам представится возможность показать, насколько несовместим такой метод с общественной жизнью и как затруднено может быть развитие интеллекта

препятствиями, которые на его пути ставит честолюбие.

Индивидуумы, с легкостью меняющие свою позицию под влиянием малейших изменений в ситуации из-за своей привычки к беспрекословному послушанию, подобны объектам гипнотизера. Представьте себе, что вам в течение нескольких минут необходимо подчиняться каждой прихоти, которую захочет высказать любой желающий! В основе гипноза лежит идея подчинения. Человек может говорить и даже верить, что он согласен быть загипнотизированным, однако психологическая готовность к подчинению может отсутствовать. Другой индивидуум может сопротивляться на уровне сознания, но тем не менее подсознательно он согласен подчиниться. Во время гипноза поведение объекта определяет только его психологическая установка. То, что он говорит или думает, не имеет никакого значения. Недопонимание этого факта стало причиной появления большого количества ложных слухов относительно гипноза. Нас, как правило, заботит судьба индивидуумов, которые внешне сопротивляются гипнозу, однако подсознательно согласны подчиниться требованиям гипнотизера. Степень этой готовности к подчинению может варьироваться от одного объекта к другому, а следовательно, и влияние гипноза также индивидуально. Степень готовности быть загипнотизированным никогда не зависит от воли гипнотизера. Ее определяет лишь установка объекта.

В основе своей гипноз походит на сон. Его тайна заключается только в том, что в этот сон можно погрузиться по приказу другого человека, а приказ этот действует только тогда, когда он отдается кому-то, кто согласен ему подчиниться. Определяющими факторами, как обычно, являются натура и характер объекта. Загипнотизировать можно лишь того, кто согласен исполнять требования другого, не применяя своих способностей к критике. Гипноз отличается от обычного сна тем, что он подчиняет способность к движению до такой степени, что даже моторные центры мобилизуются по команде гипнотизера. Все, что остается от сна в этом состоянии, – это легкая дремота, и о происшедшем запоминается только то, что позволит запомнить гипнотизер. Наиболее важная черта гипноза: в гипнотическом трансе наша способность к критике, этот драгоценнейший дар нашей души, полностью парализована. Загипнотизированный объект становится, так сказать, орудием гипнотизера, органом, действующим по его приказу.

Большинство людей, имеющих сильно развитую способность влиять на поведение других, приписывают ее какой-то присущей им таинственной власти. Это причиняет огромный вред, и не в последнюю очередь нужно указать на

пагубную деятельность эстрадных гипнотизеров. Эти шарлатаны совершают такие тяжкие преступления против человечества, что ради своих гнусных целей они прибегнут к любым средствам. Это не означает, будто все, что они делают, – жульничество. К несчастью, человеческое существо настолько способно подчиняться другим, что оно может стать жертвой любого, кто делает вид, будто обладает некими особыми силами. Слишком у многих людей вошло в привычку принимать авторитеты на веру. Публика сама желает, чтобы ее дурачили. Она готова поверить любым рассказам, не проверяя их фактическую сторону. Такая деятельность не принесет в жизнь общества никакого порядка, а будет лишь снова и снова приводить к бунту обманутых. Ни один эстрадный гипнотизер не пользовался успехом сколько-нибудь длительное время. Зачастую они встречали какой-нибудь так называемый объект, который их морочил. Порой это случалось даже с выдающимися учеными, пытавшимися продемонстрировать свои способности. Другие случаи представляют собой любопытную смесь правды и лжи: объект оказывался, если можно так выразиться, обманутым обманщиком: отчасти он дурачил гипнотизера, но тем не менее подпадал под его волю. Главная движущая сила здесь – это всегда не воля гипнотизера, а готовность объекта подчиниться влиянию гипнотизера. На объект не влияет никакая магическая сила, разве что способность гипнотизера притворяться. Всякий, кто привык в жизни опираться на разум, кто принимает решения самостоятельно, кто не исполняет, не рассуждая, чьи бы то ни было распоряжения, не сможет быть загипнотизирован, а следовательно, не сможет и проявлять каких-либо телепатических способностей. Гипноз и телепатия – это лишь проявления рабского послушания.

В связи с этим мы должны также остановиться на внушении. Суть внушения лучше всего можно понять, если мы включим его в категорию впечатлений и раздражителей. Само собой разумеется, что никто из людей не находится под воздействием раздражителей лишь время от времени. Все мы постоянно испытываем влияние бесчисленных раздражителей, поступающих из внешнего мира. Кроме того, мы не просто воспринимаем эти раздражители; каждый из них оказывает на нас какое-то воздействие. Будучи однажды испытанным, впечатление продолжает воздействовать на нас. Когда впечатление принимает вид требований и просьб другого человека, его доводов и попыток в чем-то нас убедить, мы называем это внушением. В данном случае происходит либо перемена, либо подкрепление убеждений, уже имевшихся у человека, который получает внушение. Более серьезная проблема заключена в том, что люди реагируют на поступающие из внешнего мира раздражители по-разному. Степень восприимчивости индивидуума к посторонним влияниям напрямую связана со степенью его независимости.

В этой связи нам следует помнить, что существуют два типа людей. Одни всегда преувеличивают вескость чужих мнений и, следовательно, недооценивают свои, независимо от того, правы они или нет. Такие индивидуумы исключительно восприимчивы к внушению или гипнозу. Второй тип воспринимает любой раздражитель или внушение как личное оскорбление. Есть индивидуумы, которые полагают, что только их мнение правильно. Им безразлично, так ли это на самом деле или нет. Они игнорируют любое мнение, высказанное другими. Оба этих типа людей бессознательно ощущают свою слабость. У первых эта слабость выражена в форме подчинения, у вторых – в неспособности прислушиваться к чужим мнениям. Люди этой категории обычно очень агрессивны, хотя могут гордиться своей готовностью выслушать других. Однако они говорят об этой своей готовности и благоразумии лишь для того, чтобы укрепиться в своем обособлении; на самом деле они абсолютно лишены терпимости, и повлиять на них очень сложно.

Глава 6. Комплекс неполноценности

Раннее детство

Теперь мы можем понять, что отношение обделенных жизнью детей к жизни как таковой и к себе подобным отличается от взглядов тех, для кого бытие было радостью с самого раннего возраста. Мы можем констатировать следующий непреложный закон: у людей, появившихся на свет с физическими недостатками, детские годы проходят в ожесточенной борьбе, которая зачастую приводит к угасанию их социальных чувств. Вместо того чтобы пытаться приспособиться к окружающим, они все время озабочены собой и впечатлением, которое производят на других. Этот тезис, верный в отношении физических недостатков, верен также и в отношении любой социальной или экономической неполноценности, которая может вызвать чувство ущербности, что в конечном счете приведет к враждебному отношению ко всему миру.

Раннее детство имеет для этого решающее значение. Зачастую уже в возрасте двух лет такие дети осознают, что они в чем-то хуже приспособлены к

жизненной борьбе, чем их товарищи по играм. Они чувствуют, что им нельзя участвовать в играх и развлечениях сверстников. Испытав в прошлом лишения, они чувствуют, что ими пренебрегают, и это выражается в постоянном тревожном ожидании. Нам следует помнить, что любой ребенок занимает в жизни подчиненное и зависимое положение. Не прояви его семья в той или иной мере социальное чувство, он бы оказался неспособен к самостоятельному существованию. Видя, как слаб и беспомощен любой ребенок, мы понимаем, что в начале жизни всякий испытывает глубокое чувство собственной неполноценности. Рано или поздно каждый ребенок осознает свою неспособность в одиночку справиться с трудностями повседневного существования. Чувство неполноценности – это движущая сила, исходная точка стремлений всякого ребенка. Оно определяет, как удастся данному ребенку добиться покоя и уверенности в себе, оно определяет саму цель его существования и подготавливает путь, на котором эта цель может быть достигнута.

В своей основе умственные способности ребенка тесно связаны с его физическим потенциалом. Восприимчивость к обучению может быть подорвана двумя факторами. Один из этих факторов – преувеличенное, интенсивное, некомпенсированное чувство собственной неполноценности, а другой – цель, которая требует не только уверенности в себе, мира и социального равновесия, но также борьбы за власть над окружающим миром, цель доминировать над себе подобными. Таких детей легко отличить. Они становятся «трудными» потому, что считают свою жизнь состоящей из одних неудач, а себя полагают заброшенными и обиженными как природой, так и человечеством. Достаточно только упомянуть об этих факторах, чтобы увидеть, насколько велика вероятность того, что развитие ребенка может пойти по кривому, неправильному, ошибочному пути. Каждый ребенок рискует развиваться в неправильном направлении. Каждый ребенок рано или поздно оказывается в ситуации, которая чревата опасностью.

Поскольку каждому ребенку приходится расти в окружении взрослых, он предрасположен считать себя маленьким, слабым и неспособным жить самостоятельно. Он не верит, что сможет исполнить даже те простые дела, на которые его считают способным взрослые, красиво и без ошибок. Большинство наших промахов в воспитании детей начинаются именно в этот момент. Когда мы требуем от ребенка большего, чем то, на что он способен, мы его попрекаем его беспомощностью. Некоторые взрослые даже сознательно заставляют детей ощущать свою недоразвитость и беспомощность. Одни обращаются с детьми как с живыми куклами для игры. Другие считают детей ценной собственностью,

требующей бдительного присмотра, а третьи дают детям понять, что они не более чем бесполезная обуза. Сочетание таких установок со стороны родителей и других взрослых часто приводит ребенка к убеждению, что он способен делать только две вещи – доставлять удовольствие или неудовольствие старшим.

В дальнейшем этот комплекс неполноценности, внушенный родителями, может усилиться вследствие некоторых особенностей нашей цивилизации. Привычка не принимать детей всерьез принадлежит к их числу. Ребенку внушается, что он – никто, бесправное создание; что его должно быть видно, но не слышно; что он должен всегда быть вежливым, тихим и так далее. Многие дети растут в постоянном страхе перед тем, что над ними будут смеяться. Позволять себе насмешки над детьми – это почти преступление. Они оставляют в душе ребенка неизгладимый след, который влияет на его привычки и поступки во взрослой жизни. Взрослого, которого в детстве постоянно высмеивали, нетрудно отличить от других: он не может избавиться от страха вновь показаться смешным. Еще одно проявление обычая не принимать детей всерьез – это привычка говорить детям явную ложь, в результате чего ребенок начинает сомневаться не только в окружающей действительности, но и ставить под вопрос серьезность и реальность всей жизни. Известны случаи, когда дети постоянно смеялись на уроках без всякой видимой причины. Когда их расспросили, они признались, что думали, будто школа – это одна из шуток их родителей и ее не следует принимать всерьез.

Компенсация: борьба за самоутверждение и превосходство

Именно чувство неполноценности, неадекватности и неуверенности определяет цель существования индивидуума. Желание быть центром всеобщего внимания и требовать внимания родителей появляется уже в первые дни жизни. Здесь можно обнаружить первые признаки того, что пробуждающееся желание добиться признания развивается параллельно чувству собственной неполноценности. Цель этого желания – достичь такого положения, когда индивидуум выглядит превосходящим свое окружение.

Определить характер желаемого превосходства личности помогает степень развития и качество ее социального чувства. Мы не можем судить о поведении какого бы то ни было индивидуума, будь то ребенок или взрослый, не сравнив

сущность его цели личного превосходства с его социальным чувством. Его цель построена таким образом, что ее достижение предполагает возможность либо получения чувства превосходства, либо подъема личности на такой уровень, на котором жизнь кажется осмысленной. Именно эта цель и дает ценность нашему жизненному опыту. Она связывает между собой и координирует наши чувства, формирует наше воображение, направляет наши творческие силы и определяет, что мы должны запомнить, а что нам необходимо забыть. Теперь мы видим, насколько относительна ценность наших ощущений, чувств, эмоций и воображения; на эти элементы нашей психической деятельности влияет стремление к определенной цели. Оно искажает само наше восприятие, которое, если можно так выразиться, незаметно проходит отбор с учетом конечной цели, к которой стремится данная личность.

Мы ориентируемся на искусственно созданную постоянную цель – цель, которая не имеет никаких основ в реальной действительности, другими словами, на фикцию. Это допущение фикции необходимо из-за несовершенства нашей психологии. Она имеет большое сходство с фикциями, применяемыми в науке, – например, разделение Земли на части не существующими в реальности, но весьма полезными меридианами. С помощью психологических фикций мы допускаем наличие постоянной цели, хотя более тщательное исследование вынуждает нас признать, что на самом деле ее, как и меридиана, не существует. Цель этого допущения – просто ориентироваться в хаосе повседневного существования и иметь возможность как-то оценивать относительные величины. Польза от него заключается в том, что, приняв эту постоянную цель как данность, мы можем в соответствии с ней отнести к определенной категории любое наше ощущение и чувство.

Психология личности, таким образом, создает для себя эвристическую систему и метод: рассматривать человеческое поведение и считать его окончательной системой отношений, возникшей благодаря влиянию преследования определенной цели на наследственные задатки организма. Более того, наш опыт доказал, что это допущение относительно стремления к цели – просто удобная фикция. Она показала большую степень своей совместимости с реальными фактами, будь то факты сознательной или бессознательной жизни. Это стремление к цели, целенаправленность нашей психики, является не философским допущением, а основополагающим фактом.

Когда мы спрашиваем себя, как лучше всего обуздать стремление к власти и превосходству, это наиболее заметное зло нашей цивилизации, мы сталкиваемся

с затруднением, поскольку это стремление зарождается в том возрасте, когда свободное общение с ребенком невозможно. Мы можем начать попытки исправить и просветить его лишь гораздо позднее. Однако живя рядом с ребенком этого возраста, мы все же имеем возможность развить его социальное чувство до такой степени, чтобы стремление к власти над другими стало пренебрежимо малым фактором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/adler_al-fred/ponyat-prirodu-cheloveka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)